

ФИОНА ВАЛПИ

Parisian Sisters

BESTSELLER WASHINGTON POST

Фиона Валпи
Парижские сестры
Серия «Когда мы были
счастливы. Проза Фионы Валпи»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704942
Парижские сестры: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-127498-6

Аннотация

Париж, 1940 год. Оккупированный нацистами город, кажется, изменился навсегда. Но для трех девушек, работниц швейной мастерской, жизнь все еще продолжается. Каждая из них бережно хранит свои секреты: Мирей сражается на стороне Сопротивления, Клэр тайно встречается с немецким офицером, а Вивьен вовлечена в дело, подробности которого не может раскрыть даже самым близким друзьям. Спустя несколько поколений внучка Клэр, Гарриет, возвращается в Париж. Она отчаянно хочет воссоединиться с прошлым своей семьи. Ей еще предстоит узнать правду, которая окажется намного страшнее, чем она себе представляла. По крупицам она восстановит историю о мужестве, дружбе, стойкости и верности. Историю обыкновенных людей, вынужденных совершать необыкновенные поступки в суровое военное время.

Содержание

2017	6
Гарриет	8
1940	28
Гарриет	39
1940	42
Гарриет	56
1940	64
Гарриет	77
1940	84
Гарриет	93
Март 1941	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Фиона Валпи

Парижские сестры

Fiona Valpy

THE DRESSMAKER'S GIFT

© 2019 Fiona Valpy Ltd

© Сорокин К., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Посвящается памяти женщин-агентов
Управления специальных операций (УСО)¹,
работавших с французским движением
Сопротивления во время Второй мировой войны и
погибших в концентрационных лагерях Нанцевилер-
Штрутгоф, Дахау и Равенсбрюк:*

*Иоланде Беекман, Дениз Блох, Андри Боррелль,
Мадлен Дамерме, Нур Инайят Хан, Сесили Лефорт,
Вере Ли, Соне Ольшанецки, Элейн Плюмэн, Лилиан
Рольф, Диане Роуден, Ивонн Руделэтт и Виолетте
Шабо, и их сестрам по оружию, имена которых не
были записаны и чья судьба остается неизвестной*

---

¹ Управление специальных операций, УСО (англ. Operations Executive, SOE) – британская разведывательно-диверсионная служба, действовавшая во время Второй мировой войны.

по сей день.

2017

Издали платье полночно-голубого цвета смотрится так, будто вырезано из цельного куска шелка, а его широкие складки изящно обвивают форму манекена.

Но если присмотреться, то можно увидеть совершенно иную картину – платье, сшитое из лоскутов и обрезков, да так искусно, что на первый взгляд разглядеть это невозможно.

За годы истрепанное платье стало хрупким, поэтому, чтобы сохранить историческое наследие для будущего поколения, потребовалась дополнительная защита, и сотрудники музея поместили его в стеклянную витрину. На одной стороне располагается увеличительное стекло, с его помощью можно рассмотреть мельчайшие детали ручной работы. Каждый фрагмент платья сшит вручную такими невидимыми и идеальными стежками, на которые способна только современная техника. Посетители выставки каждый раз поражаются мастерству швеи, а также тому, сколько времени и терпения потребовалось для создания подобного платья.

В этой витрине отражена эпоха. Это часть нашего общего прошлого и моей личной истории.

Первым входит директор музея, проверяет, всё ли в порядке и готово к открытию, после чего одобрительно кивает, и остальная часть работников отправляется праздновать это

событие в бар за углом.

Но я все еще стою рядом, и прежде чем закрыть витрину, провожу кончиками пальцев по изящным серебряным бусинкам, которые притягивают взгляд к вырезу платья, хитрым образом отвлекая от сшитых лоскутов. Они подобно россыпи звезд на фоне полуночного неба. Могу представить, как они отражали свет, притягивали взгляд к изгибу шеи, линии скул, глазам владелицы этого платья, в глубине которых таился тот же самый свет.

Я закрываю витрину, осознавая, что всё готово. Завтра откроются двери галереи, и люди придут сюда, чтобы посмотреть на платье, которое смотрит на них с плакатов на стенах метро.

Бросая взгляд издали, они тоже подумают, что платье скроено из цельного куска шелка, но, только приглядевшись, смогут узреть истину.

Гарриет

В то время как порыв горячего затхлого воздуха, вырвавшийся из лабиринта подземных туннелей, больно хлещет по моим ногам и развеивает волосы, я тащу свой тяжелый чемодан по ступенькам метро, выходя на встречу лучам дневного солнца и Парижу. Тротуар забит туристами, неторопливо прогуливающимися с картами и телефонами в попытке решить, куда им двигаться дальше. Быстрым и целеустремленным шагом пробираются сквозь толпы туристов элегантно одетые местные жители, которые весь август провели у моря, а сейчас они здесь, чтобы отвоевать свой город обратно.

Мимо проносится поток машин, переплетая непрекращающийся водоворот из всевозможных цветов и звуков. На мгновение меня охватывает лёгкое головокружение, вызванное ритмом Парижа и трепетным волнением от пребывания в городе, который станет моим домом на следующие двенадцать месяцев. Может быть, сейчас я выгляжу как туристка, но надеюсь, вскоре меня станут принимать за коренную парижанку.

Чтобы прийти в себя, я придвигаю свой чемодан к перилам у входа на станцию Сен-Жермен-де-Пре и снова пробегаю глазами по сообщению электронной почты. Не то чтобы мне это было нужно, ведь я помню этот текст наизусть...

Уважаемая мисс Шоу,

в дополнение к телефонному звонку я рада подтвердить, что Ваша заявка на годичную стажировку в «Агенство Гийме» принята. Поздравляю!

Как отмечалось ранее, мы можем предложить Вам минимальную заработную плату за должность стажера, а также комнату для жилья, расположенную над офисом.

После того, как вы решите вопросы с организацией поездки, пожалуйста, подтвердите дату и время вашего прибытия.

С нетерпением жду возможности приветствовать Вас в нашей компании.

Искренне Ваша,

Флоренс Гийме.

Директор

PR-агентство Гийме, Рю Кардинале, 12, Париж, 75000

Я до сих пор не могу поверить, что мне удалось уговорить Флоренс взять меня на работу. Она руководит PR-агентством, предоставляющим услуги в *индустрии моды*, главный объект их внимания – небольшие компании и стартапы, которые не могут позволить себе собственный штат сотрудников отдела. Обычно Флоренс не берет на работу стажеров, но мое письмо и резюме были настолько впечатляющими, что она, в конце концов, позвонила мне (правда, это случилось после того, как я несколько раз подряд отправляла ей доку-

менты, видно она поняла, что я не оставлю ее в покое, пока не получу ответ). То, что я готова работать в течение целого года за минимальную плату, свободно владея при этом французским языком, привело к официальному собеседованию по скайпу. Поставила точку блестящая рекомендация от моего преподавателя в университете, подчеркивающая интерес с моей стороны к индустрии моды и ответственное отношение к напряженной работе. В конечном итоге это убедило ее взять меня.

Я собиралась искать съемное жилье в менее благополучном районе пригорода, оплачивая его деньгами из небольшого наследства, оставленного моей матерью. Поэтому, как мне кажется, бесплатная комната над офисом стала для меня очень выгодным предложением. Выходит, я стану жить в том самом здании, где как раз и располагается «Агентство Гийме».

Я не верю в судьбу, но казалось, что какая-то неведомая сила тянет меня в Париж. Она привела меня на бульвар Сен-Жермен. Притянула сюда.

К зданию на фотографии.

* * *

Я нашла эту фотографию в коробке с вещами моей матери, спрятанной в самый дальний угол верхней полки шкафа в моей спальне. Скорее всего, это было делом рук отца. Воз-

можно, он хотел, чтобы я обнаружила коробку, будучи достаточно взрослой для знакомства с ее содержимым. После того, как прошедшие годы сгладят остроту моего горя, а боль будет не такой сильной. Или чувство вины заставило убрать коробку с глаз долой, чтобы мучительное напоминание не попадалось на глаза ему и его новой жене, ведь именно их отношения стали причиной маминых страданий, которые, в конечном счете, привели её к самоубийству.

Я обнаружила ее одним промозглым днём, будучи подростком, когда вернулась домой из школы-интерната на пасхальные каникулы. Несмотря на неудобства, которые я им доставила, папа и мачеха выделили мне комнату, позволили выбрать цвет для стен и дали возможность самостоятельно расставить книги и расклеить плакаты, которые я привезла с собой. Однако здесь я никогда не чувствовала себя как дома. Это был только их дом, а не мой. Для меня это всего лишь место, куда я была вынуждена переехать, когда у меня не осталось крыши над головой.

В тот дождливый апрельский день мне было невыносимо тоскливо. Две мои сводные сестры тоже скучали: сначала они задирали друг друга, потом начали обзывать, спорили, в конце концов раздался громкий визг и хлопанье дверями.

Я вернулась в свою комнату и надела наушники, чтобы хоть музыкой заглушить этот шум. Сидя на кровати, скрестив ноги, я принялась листать последний номер журнала Vogue. По моей просьбе мачеха подарила мне подписку

на Рождество. Каждый раз мне доставляло истинное наслаждение открывать очередной номер, внимательно изучать глянцевые страницы, пахнувшие образцами дорогих духов и лосьонов, словно заглядывая сквозь некий портал в гламурный мир высокой моды. В тот день на обложке была фотография модели в бледно-желтой футболке с надписью «Вещи в пастельных тонах на начало лета». Фото напомнило мне, что где-то в шкафу среди летней одежды, которую я тщательно постирала и убрала еще прошлой осенью, когда настало время доставать свитера и джемперы, у меня есть нечто похожее.

Я отложила журнал в сторону и передвинула стул к шкафу. Когда я доставала летние вещи, то кончиками пальцев коснулась помягчавшего от времени картона коробки, задвинутой в дальнюю часть полки.

До этого дня я никогда не обращала на нее внимания – возможно, потому, что еще не была достаточно высокой, чтобы разглядеть надпись на ней – но теперь, встав на цыпочки, я придвинула коробку к себе и увидела на ней имя мамы, написанное толстым черным маркером на клейкой ленте, которая покрывала крышку.

Все мысли о вещах в пастельных тонах на начало лета ментально вылетели из моей головы. Я потянула коробку на себя. Рядом с ее именем – Фелисити – почерком отца было написано: «Документы, фотографии и пр. для Гарриет».

Я провела пальцами по словам, и мои глаза наполнились

слезами при виде наших написанных рядом имен. Широкая клейкая лента потеряла свою липкость за истекшие годы, и когда я коснулась ее, она с легким треском отошла от картона. Я смахнула слезы рукавом и открыла коробку.

Кучи документов, частицы маминой жизни, наспех собранные «на память Гарриет», выглядели так, словно их второпях побросали в коробку, вместо того, чтобы выбросить в мусорный мешок.

Я разложила их на полу в своей спальне, отделяя официальные документы, ее устаревшие водительские права и паспорт от копий моих школьных табелей и самодельных открыток, которые я посылала ей на протяжении многих лет. Я снова заплакала, увидев забавные детские рисунки, где мы были изображены держащимися за руки. Но я улыбнулась сквозь слезы, когда поняла, что даже в таком раннем возрасте умудрялась добавлять в свои рисунки модные штрихи в виде больших пуговиц внизу наших платьев или ярких цветных сумочек в тон. Почерк на открытках менялся от неумелых печатных букв до округлых, мои сердечные послания мама ценила, поэтому и сохранила их. Возможно, мне только показалось, но даже после всех этих лет от рисунков веяло запахом маминых духов. Сладкий цветочный аромат оживил во мне воспоминания о черном флаконе с серебряной крышкой, стоявшем на ее туалетном столике, с французскими духами Arpège.

И все же одних моих фотографий и открыток было недо-

статочно. Они не смогли вытащить ее из зыбучих песков одиночества и печали, затянув в итоге так глубоко, что единственным выходом, который она видела в сложившейся ситуации, стала смерть. Имя, которое мама получила при рождении, было одной из главных ироний ее жизни, в которой она отнюдь не могла похвастаться удачей. Она казалась по-настоящему счастливой только когда играла на пианино, растворяясь в исполняемой музыке, когда ее ладони легко порхали по клавишам. Меня переполняло невыносимое горе, пока я складывала открытки в аккуратную стопку: вот оно, безмолвное свидетельство того, как сильно любила меня мама; но даже эта любовь не смогла её спасти.

Когда глаза просохли от слез, я отложила открытки, обратив внимание на стопку фотографий в углу коробки.

В самом ее верху был снимок, после которого мое дыхание замерло. На нем моя мать держала меня на руках, мои по-детски пуховые волосы, словно ореол, ловили солнечные лучи, струившиеся из окна поблизости. Благодаря омывавшему ее свету моя мама выглядела подобно Мадонне с картин эпохи Возрождения; и я была освящена любовью, переполнявшей все ее существо. На запястье мамы хорошо виден золотой браслет, который сейчас украшает мою руку. Мой отец подарил мне его на шестнадцатилетие, объяснив, что он принадлежал моей матери, а до этого – ее матери. С тех я ношу его каждый день. На фотографии можно разглядеть несколько подвесок на самом браслете: крошечную Эйфеле-

ву башню, катушечку ниток и наперсток.

Должно быть, папа сделал эту фотографию, когда мы были троим, только мы друг у друга, одно целое.

Я отложила снимок в сторону. Мне пришла в голову мысль подобрать для него подходящую рамку и взять с собой в интернат, чтобы поставить на подоконник у кровати, не беспокоясь о том, что это расстроит отца или вызовет недовольство у мачехи. Напоминание о прошлом, которое они предпочли бы забыть. Как будто моего присутствия в их доме им было недостаточно.

В коробке были несколько школьных фотографий, где я, осторожно улыбаясь, сижу в белой блузке и темно-синем джемпере на небесно-голубом фоне фотографа. Она хранила эти фотографии год за годом. На одних мои светло-каштановые волосы отделяла лента темно-синего отлива, на других локоны были собраны в аккуратный хвост, но настороженное выражение моего лица всегда оставалось неизменным.

Когда я достала с самого дна коробки последние фотографии времен школы, завернутые в бумажный сверток кремового цвета, на мои колени упало еще одно изображение. Это был старый черно-белый снимок, свернувшийся и пожелтевший от старости. Давно забытый, он, очевидно, попал в эту кучу по ошибке.

Что-то на этом фото – улыбки трех девушек, элегантные линии их костюмов – привлекло мое внимание. Над ними буквально витал парижский шик, нехарактерный для ан-

глийских особ. Присмотревшись, я поняла, что не ошиблась. Они стояли перед витриной магазина, над которой был написан номер здания – 12 – и слова *Кутюрье Делавин*. Когда я поднесла фотографию к окну, чтобы получше её рассмотреть в лучах солнца, то смогла разобрать слова на эмалированном знаке здания. Конечно же, они были написаны на французском языке. Надпись гласила: «*Рю Кардинале – 6-й район*».

Я узнала девушку слева. С ее тонкими чертами лица, светлыми волосами и нежной улыбкой она имела гораздо большее, чем просто мимолетное сходство с моей мамой. Я была уверена, что это моя бабушка Клэр. Я смутно помнила ее образ, просматривая старые семейные альбомы (где же эти альбомы сейчас?). Мама как-то рассказывала мне, что ее мать родилась во Франции. Хотя она никогда не говорила о ней, только сейчас мне показалось странным, что она меняла тему всякий раз, когда я задавала вопросы о бабушке из Франции.

Когда я перевернула снимок, то прочитала на обороте написанные от руки три имени: *Клэр, Вивьен, Мирей*, а после – *Париж, май 1941 года*.

* * *

Я понимала, что хватаюсь за соломинку, но каким-то образом эта старая фотография, случайно сохранившаяся ча-

стица истории маминой семьи, стала важной частью моего наследия. От той семьи осталось так мало, что эта слабая связующая нас нить приобрела для меня огромное значение. Фото я поставила в рамку и расположила рядом с изображением, где были мы с мамой. Эта фотография составляла мне компанию до конца моих школьных дней и поступления в университет. Хотя я начала увлекаться модой еще до того, как обнаружила забытую фотографию в картонной коробке, изображение трех элегантно одетых женщин на углу улицы, несомненно, сыграло свою роль в моём влечении к этой сфере. Возможно, любовь к моде уже была у меня в крови, но фотография определенно помогла воплотить мои мечты. Словно по веянию судьбы я нашла адрес – Рю Кардинале, 12 – во время поездки в Париж в школьные годы, обнаружив, что стою перед стеклянным окном с вывеской «*PR агентство Гийме (профессионалы в области моды)*». В тот момент мое будущее было определено. Этот знак открыл мне карьерный путь, о котором я даже не подозревала, заставив меня подать заявку на стажировку в сфере PR, когда я закончила изучать французский язык в области бизнес-исследований.

Я долго колебалась, прежде чем обратиться в агентство: мне не хватало уверенности без поддержки отца. Обычно папа пытался отбить мой интерес к разному роду деятельности в сфере моды, словно не одобряя подобный выбор возможной карьеры. Но, словно подзадоривая меня, бабушка Клэр

и ее две подруги улыбались мне с черно-белой фотографии, стоявшей на столе рядом с ноутбуком, говоря: «*Наконец-то! Чего же ты ждешь? Приди и найди нас!*»

И вот этим сентябрьским днем я здесь, в Париже. Укладываю волосы, прежде чем пройтись с чемоданом на колесиках по оживленной мостовой к двери офиса и нажать на кнопку звонка. Прикрытые наполовину жалюзи с логотипом «*Агентство Гийме*» опущены вниз, чтобы не пропускать блики дневного солнца. В стеклянных окнах отражается моё волнение, и я понимаю, что мое сердце колотится как сумасшедшее.

Дверь со щелчком открывается, я толкаю ее и вхожу в мягко освещенную приемную.

На серых стенах развешаны копии журнальных обложек *Vogue*, *Paris Match*, *Elle* и вырезки из журналов мод. Даже при беглом осмотре я делаю вывод, что каждый из них принадлежит одному из признанных мастеров-фотографов: Марио Тестино, Патрику Демаршелье и Энни Лейбовиц. Пара минималистичных диванов, обитых чрезвычайно непрacticalным льняным полотном, расположились по сторонам низкого столика, на котором разбросаны подборки последних модных публикаций на разных языках. На мгновение я представляю, как опускаюсь на один из них скидывая туфли, которые сжимают мои уставшие ноги за время, проведенное в дороге.

Вместо этого я делаю шаг вперед, чтобы пожать руку ра-

ботнице на ресепшене, которая поднялась из-за стола, чтобы поприветствовать меня. Первое, что я замечаю в ней: темные кудри, ниспадающие на её лицо и плечи. А второе: её неповторимый стиль. Маленькое черное платье, деликатно подчеркивающее изгибы ее фигуры, и плоские туфли-балетки, едва-едва увеличивающее её крошечный рост. От неловкости я начинаю чувствовать себя настоящей великаншей на своих высоких неуклюжих каблуках, и мне становится душно от того, насколько формален мой сшитый на заказ костюм и надетая к нему белая блузка, вдобавок я совершенно измучена путешествием и жарой.

Но к счастью, третье, что я замечаю – дружеская улыбка при встрече, освещающая ее темные глаза:

– Здравствуйте, вы, должно быть, Гарриет Шоу. Я Симона Тибо. Очень приятно познакомиться, с нетерпением ждала вашего появления. Теперь мы будем соседями по квартире, разделим комнаты наверху.

Во время этого короткого монолога она кивает в сторону декоративного карниза над нашими головами, заставляя свои кудри танцевать. Я немедленно проникаюсь к ней теплотой и втайне испытываю облегчение от того, что она не является одной из надменных, тощих французских модниц, которых я себе представляла.

Симона прячет мой чемодан за письменным столом, а затем проводит меня в заднюю часть регистрационной стойки. До меня начали доноситься чуть заметное щебетание те-

лефонов и тихое бормотание голосов оживленного офиса. Один из шести (или около того) сотрудников встает, чтобы пожать мне руку, пока остальные в комнате полностью поглощены своей работой и успевают лишь коротко кивнуть, пока мы проходим мимо. Симона ненадолго останавливается перед обшитой панелями дверью в дальнем конце комнаты и стучит. Через мгновение ей отвечает голос: «Entrez!»², и я оказываюсь перед широким столом из красного дерева, за которым восседает Флоренс Гийме, директор агентства.

Подняв глаза от компьютера, Флоренс снимает очки в темной оправе. Она одета в самый элегантный и безукоризненный брючный костюм, который мне когда-либо приходилось видеть. Интересно, это Шанель или Ив Сен-Лоран? Ее светлые волосы подстрижены таким образом, чтобы подчеркнуть высоту ее скул и нижнюю часть овала лица, которая только-только начинает подавать первые признаки смягчения из-за возраста. У нее теплые карие глаза с янтарным оттенком. Глаза, которые, кажется, видят меня насквозь.

– Гарриет? – спрашивает она.

Я киваю, на мгновение пораженная тем, что мне удалось сделать. Год? В PR-агентстве Гийме? Столице мира моды? Что я здесь делаю? И сколько времени им понадобится, чтобы понять, как мало будет от меня пользы в этой работе, ведь я плохо подготовлена, так как недавно окончила университет.

---

² Войдите! (*фр.*)

И тогда она улыбается.

– Вы напоминаете меня много лет назад, когда я делала только первые шаги в этом сфере. То, что вы здесь, уже доказывает ваше мужество и решимость. Хотя, быть может, сейчас это ошеломляет?

Я снова киваю, все еще не в силах подобрать подходящие слова...

– Что ж, это вполне естественно. Вы проделали долгий путь и, должно быть, изрядно устали. На сегодня ограничимся тем, что Симона покажет вам комнату и оставит вас обустроиваться. У вас есть все выходные, чтобы освоиться. Работа начинается в понедельник. Будет просто отлично получить еще одну пару хороших рук. Подготовка к неделе моды отнимает у нас все силы.

Должно быть, то волнение, которое я испытала, услышав об одном из самых важных событий в сфере высокой моды – неделе моды в Париже, отражается на моем лице, поскольку она добавляет:

– Не волнуйтесь. У вас всё получится.

Мне удается вновь обрести голос и выдавить из себя:

– Мерси, мадам Гийме. – Но тут телефон на ее столе зазвонил, так что она отпустила нас, улыбнувшись на прощание и слегка махнув рукой, поворачиваясь, чтобы ответить на звонок.

Симона помогает мне затащить мой чемодан по пяти пролетам крутой и узкой лестницы. На первом этаже находится

фотостудия, которую сдают в аренду внештатным сотрудникам. Мы заглядываем в дверной проём, чтобы посмотреть. Это огромная комната с белыми стенами. Она пустая, за исключением пары складных экранов в одном углу. Высокие окна и потолки делают это место идеальным для студийных съемок.

Следующие три этажа сдаются в аренду под офисы. На медных табличках указано, что в этих кабинетах располагаются бухгалтерская фирма и фотограф.

– Флоренс нужно, чтобы здание окупалось, – говорит Симона. – И всегда находятся люди, которые хотят арендовать небольшое офисное помещение в Сен-Жермене. Однако условия аренды таковы, что верхние этажи не сдаются, так что это наша с тобой рабочая привилегия. Вот повезло нам!

Верхний этаж здания, спрятавшийся под карнизом, состоит из ряда небольших комнат. Некоторые используют в качестве хранилищ, заполненных шкапами для документов, ящиками со старыми офисными принадлежностями, неработающими компьютерами и грудями журналов. Симона показывает мне тесную кухоньку, в которой тем не менее достаточно места для холодильника, плиты и раковины. После мы проходим в гостиную, где находится круглый столик, напоминающий геридон, два стула в углу и диван около дальней стены. Впрочем, поток солнечного света, который заполняет нашу квартиру, с лихвой компенсирует скромные ее размеры. Если привстать на цыпочки и немного вытянуть шею, то

можно увидеть архитектурный облик и даже крышу аббатства, от которой берет свое название бульвар Сен-Жермен.

– А это твоя комната, – говорит Симона. Помещение совсем крохотное: там едва хватает места для единственной железной кровати, комода и вешалки для одежды, которая выглядит так, словно ее чудом спасли с какого-то заброшенного склада.

Если наклониться под скатом потолка, то из маленького мансардного окна можно увидеть целый океан шиферных крыш, по которым разбросана настоящая флотилия дымоходов и телевизионных антенн под ясным сентябрьским небом.

Я поворачиваюсь, чтобы улыбнуться Симоне.

Она пожимает плечами, словно извиняясь.

– Маловата, конечно, но...

– Она превосходна, – говорю я. И нисколечко не кривлю душой. Потому что эта крошечная комната моя. Мое пространство на следующие двенадцать месяцев. И каким-то образом у меня возникает чувство причастности к этому месту: настолько оно похоже на дом.

Старая, давно забытая фотография, которую я случайно обнаружила в коробке – моя единственная связь с прошлым. Только эта хрупкая нить, столь же прекрасная, как прядь потертого шелка, становится единственным, что соединяет меня с этой малюсенькой спальней в неизвестном здании чужого города. Она привела меня сюда; я почувствовала неодолимый порыв увидеть, куда же ведет эта ниточка. Я готова

последовать за ней через годы и поколения, к самому истоку.

– Так, мне лучше вернуться к работе. – Симона смотрит на часы. – Еще час до того, как выходные официально начнутся. Я оставлю тебя, а ты располагайся. Увидимся позже. – Она уходит, закрывая за собой дверь квартиры, и я слышу, как затихает звук ее шагов на лестнице.

Я открываю свой чемодан и копаюсь под слоями аккуратно сложенной одежды, пока кончики моих пальцев не соприкасаются с твердыми краями рамки. Я обернула её в складки джемпера для безопасного хранения.

Глаза трех женщин устремлены прямо на меня, когда я вновь начинаю изучать фотографию, в надежде найти зацепки об их жизни. Поставив фото на комод рядом с моей кроватью, я сильнее, чем когда-либо, осознаю, как мало знаю о своих корнях и как важно для меня изучить глубже этот вопрос.

Я не просто пытаюсь понять, кем были эти женщины. Я пытаюсь выяснить, кто я сама.

* * *

Звуки целеустремленной толпы, направляющейся по домам в конце еще одной завершившейся рабочей недели, проникают через мое окно с улицы внизу. Я развешиваю последнюю одежду, когда слышу, как открывается дверь квартиры. Симона нараспев произносит:

– Ку-ку! – Она появляется в дверях моей комнаты и поднимает бутылку, а бокал в ее руке запотел от росы из охлажденного белого вина внутри. – Хочешь выпить? Я подумала, что мы должны отпраздновать твой первый вечер в Париже. – Она поднимает сумку с покупками, которую держит в другой руке: – Тут у меня есть кое-что подходящее, у тебя же наверняка не было времени пройтись по магазинам. Но я все могу показать тебе завтра.

Она осматривает комнату, явно одобряя штрихи, которые я добавила: пару книг у кровати рядом с флакончиком духов и расписной фарфоровой коробкой с брелком моей матери. В ней хранятся украшения, которые у меня остались: несколько сережек и нитка жемчуга. Браслет я держу при себе, снимая его лишь на ночь.

Заметив фотографию, она кладет сумку с покупками и наклоняется, чтобы посмотреть на нее поближе.

Я указываю на блондинку слева.

– Это моя бабушка Клэр, прямо рядом с этим зданием. Именно из-за неё я здесь.

Симона недоверчиво смотрит на меня.

– А вот это, – говорит она, указывая на крайнюю девушку справа, – моя бабушка Мирей. Стоит возле этого самого здания с твоей бабушкой Клэр.

Видя, как я раскрываю рот от удивления, она смеется.

– Ты шутишь! – восклицаю я. – Это же просто невероятное совпадение!

Симона кивает, но затем качает головой.

– А может быть, это вовсе и не случайность. Я попала сюда, вдохновляясь бабушкиными рассказами о ее жизни в Париже во время войны, и именно из-за ее связи с миром моды я работаю здесь, в «Агентстве Гийме». Похоже, у нас с тобой схожие истории.

Я медленно киваю, обдумывая сказанное, затем приближаю фото в рамке, чтобы как следует рассмотреть лицо Мирей. Я уже вижу сходство между ней и Симоной, особенно эти её смеющиеся глаза и растрепанные волосы, непослушно выходящие за ободком.

Я указываю на третью фигуру, молодую женщину в центре группы.

– Интересно, кто она? Ее имя написано на обороте карточки: Вивьен.

Выражение лица Симоны внезапно становится серьезным, и я замечаю что-то, чего не могу точно определить: вспышка грусти, страха или боли?

В ее глазах появляется осторожность. Но затем, вновь собравшись, она с аккуратной неприязнью говорит:

– Полагаю, их подруга Вивьен, которая жила и работала здесь вместе с ними. Разве это не удивительно, представь, как все трое работали на Делавин?

Интересно, мне это кажется, или она намеренно пытается отвести разговор от Вивьен?

Симона продолжает:

– Моя *tamie* Мирей говорила мне, что они спали в этих самых комнатухах над ателье в военные годы.

На мгновение я слышу звук смеха, эхом разносящийся по стенам тесной квартиры, представляя здесь Клэр, Мирей и Вивьен.

– Ты можешь рассказать мне еще что-нибудь о том, как твоя бабушка жила здесь в сороковые годы? – с нетерпением спрашиваю я. – Это могло бы помочь прояснить волнующие меня вопросы по поводу моей семьи.

Симона задумчиво смотрит на фотографию. Затем поднимает глаза, чтобы встретиться с моим взглядом, и говорит:

– Я могу рассказать тебе, что я знаю об истории Мирей. И это неразрывно связано с историями Клэр и Вивьен. Но, Гарриет, тебе следует задавать эти вопросы только в том случае, если ты абсолютно уверена, что хочешь знать на них ответы.

Я пытаюсь удержать ее взгляд. Могу ли я лишать себя возможности узнать хоть что-то о своей семье, с которой у меня есть связь? При этой мысли меня охватывает разочарование, настолько сильное, что дыхание перехватывает.

Я думаю о невидимой нити, тянущейся сквозь года. Она соединяет меня с моей матерью Фелисити, а ее со своей матерью, моей бабушкой Клэр.

После чего я киваю. Какой бы ни была эта история и кем бы в ней ни оказалась я, мне нужно её знать.

1940

Париж стал другим.

Конечно, кое-что оставалось прежним: восклицательный знак Эйфелевой башни все еще подчеркивал горизонт; Сакре-Кёр все еще восседал на вершине своего холма на Монмартре, наблюдая за жителями города, пока они занимались своими делами; а серебряная лента Сены продолжала петлять по дворцам, церквям и скверам, огибая укрепленные фланги Нотр-Дама на острове Ситё и извиваясь под мостами, связывавшими правый и левый берега реки.

Но что-то изменилось. Это были не столь очевидные признаки, как группы немецких солдат, которые двигались вдоль бульвара, и флаги, которые развевались ветром на фасадах зданий с томной угрозой – пока колонны шагали под ними, шелест ткани, украшенной яркими черно-белыми свастиками на кроваво-красном фоне, казался Мирей столь же громким, как любая бомбардировка. Нет, она могла чувствовать что-то другое, что-то отличающееся, что-то менее осязаемое, когда пробиралась из Гар-Монпарнас обратно в Сен-Жермен. Она замечала это в глазах спешащих мимо людей, признавших свое поражение; слышала это в резких голосах немцев из-за столиков кафе. Вид военных машин вернул её в чувство, на них было еще больше нацистских знаков отличия, мрачные эмблемы которых теперь проносились мимо

нее по улицам.

То, что открылось перед её взором, было понятно. Столица ее страны больше не принадлежит Франции. Она брошена и предана правительством, словно невеста, которую выдали замуж в спешно организованном браке.

И хотя многие из тех, кто, как и Мирей, бежали от немецкого наступления несколько месяцев назад, теперь возвращались, их ждал совсем другой город. Он, как и его жители, казалось, стыдливо опустил голову под напором жестоких напоминаний, которые были повсюду: Париж теперь в руках Германии.

* * *

Когда дневной свет начал удлинять тени, отбрасываемые оконными рамами по широкому пространству стола для закройки, Клэр наклонилась чуть ближе к юбке, на которую она нашивала декоративную тесьму. Окончив работу несколькими быстрыми стежками, она воспользовалась ножницами, которые свисали с ленты на шее, чтобы обрезать нить. Не в силах сдерживаться, она зевнула, а затем потянулась, потирая уставшую шею и спину.

В эти дни в *atelier* было так скучно, что многие девушки ушли пораньше, и некому было сплетничать и смеяться во время перерыва. Начальница, мадемуазель Ваннье, приходила в еще более скверном настроении, чем обычно, когда объ-

ем работы увеличивался: она понукала швею шить быстрее, а потом набрасывалась из-за малейшей погрешности, которую, по мнению Клэр, в обычных обстоятельствах никто даже и не заметил бы.

Она надеялась, что кто-нибудь из девушек скоро вернется, особенно теперь, когда новая администрация организовала специальные поезда для доставки рабочего люда в Париж, и тогда ночью в спальнях под карнизом не будет так одиноко. В эти дни звуки города за окнами казались Клэр приглушенными, и как только в десять вечера начинался комендантский час, наступала жуткая тишина. Но в тихой темноте здание скрипело и бормотало, и иногда Клэр казалось, что в ночи ей слышатся шаги, и тогда она натягивала на голову одеяло, представляя, как немецкие солдаты врываются в дома, ища, кого бы арестовать.

Скорее всего, она была самой юной швеей, но Клэр не сбегала, как это сделали многие другие, в тот июньский день, когда Франция оказалась в руках нацистов. У нее просто не было возможности поджав хвост бежать домой в Бретань, поскольку ей недавно едва-едва удалось удрать из маленькой рыбацкой деревушки Порт-Мейлон, где ни у кого не было ни малейшего чувства стилия и в которой оставались только совершенно дряхлые или вонявшие, словно сардины, мужчины. С присущим юности безрассудством она решила рискнуть и остаться в Париже. Оказалось, она сделала правильный выбор, поскольку правительство сдалось, лишь бы нем-

цы оставили город нетронутым. Отъезд нескольких ее более старших коллег означал, что ей разрешили работать над более интересными заказами, которые будет поставлять *salon*³ на первом этаже. В таком случае, возможно, она привлечет внимание месье Делавина и осуществит свою мечту стать ассистенткой в *salon*, а затем стать и *vendeuse*⁴, прежде чем ей придется отдать еще много лет тяжелой работе в швейной мастерской.

Она легко представляла себя одетой в безукоризненно сшитый костюм, с волосами, собранными в элегантный шиньон, консультирующей клиентов Делавина по последним веяниям моды. У нее будет свой письменный стол с небольшим позолоченным стулом и целая команда помощников, которые станут называть ее мадемуазель Мейнардье и будут выполнять каждую ее команду.

Начальница включила электричество, осветившее комнату, где несколько девушек начали собирать все необходимое для дневной работы, складывая свои ножницы, подушечки для булавок и наперстки в сумки и вешая свои белые халаты на ряд колышков рядом с дверью. В отличие от Клэр, большинство из них жили в городе, поэтому спешили вернуться к своим семьям, чтобы вместе поужинать.

Мадемуазель Ваннье остановилась, проходя мимо кресла Клэр, и протянула руку к юбке. Она поднесла ее к резкому

---

³ Салон (*фр.*).

⁴ Продавщица (*фр.*).

свету голых ламп, свисающих с потолка, чтобы как следует осмотреть попавший в ее руки предмет гардероба. Ее губы, уже покрытые глубокими морщинами – неизбежное следствие возраста и привычки ежедневно выкуривать по пачке сигарет, – собрались в еще более глубокие складки, когда она сосредоточенно сжала рот. Наконец она резко кивнула и вернула юбку Клэр.

– Погладьте это и повесьте, а потом можете собираться.

Мадемуазель Ваннье всегда давала понять, что те, кто пользовался привилегией поселиться в квартире над ателье, находились полностью в ее распоряжении, и требовала от них многого до тех пор, пока не решала, что их дневная работа наконец завершена, даже если иногда это означало труд до позднего вечера ввиду большого количества заказов и солидных комиссионных. Клэр изрядно раздражало то, что ее заставили остаться позднее остальных мастериц, и раздражение это привело к тому, что она обожгла о горячий утюг нежную кожу на внутренней стороне запястья. Она прикусила губу, чтобы не заплакать от резкой боли. Любая суета только вновь привлечет внимание мадемуазель Ваннье, и тогда ее уход будет снова отложен из-за еще одного выговора за то, что она не выполнила свою работу как следует.

Ночью она повесила юбку на вешалку для одежды, разглаживая мягкую пеструю текстуру твида по рыжеватой шелковой подкладке и восхищаясь тем, как контрастная тесьма льстила талии. Это был классический дизайн, типичный для

работы Делавина, а ее крошечные аккуратные стежки были почти невидимы, что придавало одежде особую элегантность. Портной заканчивал жакет к юбке, так что новый костюм скоро будет готов к отправке его владельцу.

Шаги на лестнице и звук открывающейся двери заставили Клэр обернуться в попытке понять, кто бы это мог быть: возможно, еще одна из портних, которая что-то забыла и теперь вернулась.

Но возникшая в дверях фигура не напоминала никого из швей. Это была другая девушка, черные кудри которой обрамляли лицо настолько худое и бледное, что Клэр понадобилось несколько минут, чтобы разглядеть человека перед ней.

Мадемуазель Ваннье заговорила первой.

– Мирей! – воскликнула она. – Ты вернулась! – Она шагнула к фигуре в дверном проеме, но затем остановилась и приняла свой прежний деловой вид: – Значит, ты решила вернуться? Очень хорошо, нам очень пригодится еще одна пара рук. Твоя комната наверху пуста. Клэр может помочь тебе приготовить постель. А Эстер тоже приехала с тобой?

Мирей покачала головой, прислонившись одной рукой к дверному косяку, словно нуждаясь в поддержке. А потом она заговорила, и ее голос переполняло горе:

– Эстер мертва.

Она слегка покачнулась, и резкий свет в швейной комнате заставил темные круги под ее глазами выглядеть как легкие

синяки.

Наступило потрясенное молчание, пока Клэр и начальница осознали то, что произнесла Мирей, но затем мадемуазель Ваннье снова овладела собой.

– Так, Мирей. Ты устала с дороги. Да и не время сейчас для разговоров. Поднимайся наверх с Клэр. Отоспись как следует за ночь, а завтра ты вновь начнешь работать вместе со всеми. – Ее тон немного смягчился, когда она добавила: – Хорошо, что ты вернулась.

Только тогда Клэр, застывшая от неожиданно изменившегося облика своей подруги и от произнесенных ей шокирующих слов, быстро подошла к Мирей и заключила ее в крепкие объятия.

– Пойдем, – сказала она, беря сумку из рук Мирей. – На кухне есть хлеб и сыр. Ты, должно быть, здорово проголодалась. – Легким быстрым шагом она пошла вперед, а Мирей гораздо медленнее последовала за ней по лестнице.

Чувствуя, что Мирей нужно немного времени, чтобы приспособиться к возвращению домой, Клэр занялась приготовлением для нее кровати, а затем накрыла скудный ужин для них двоих. Разделив свой недельный паек, Клэр на мгновение задумалась, что же они будут есть завтра, но сразу же отбросила эту мысль. Гораздо важнее для Мирей плотно поесть сегодня вечером. Возможно, она сумеет найти немного овощей для супа. И теперь, когда Мирей здесь, они смогут удвоить рацион, что поможет продержаться дальше.

– *К столу!* – позвала она. Но так как Мирей не появилась сразу, она отправилась на ее поиски.

Мирей открыла дверь в комнату, которую занимала Эстер, когда приехала в Париж как беженка из Польши, беременная и отчаянно стремящаяся защитить свое еще не рожденное дитя. Несколько месяцев спустя в этой же крошечной мансарде родилась ее дочь и получила имя Бланш. Клэр вспомнила страх, который она почувствовала, увидев, как Эстер откинулась на подушки, держа в руках новорожденного ребенка. Она никогда не забудет выражение изможденного восторга на лице Эстер, когда она всматривалась в темно-синие глаза своей девочки, и сила ее любви мгновенно показалась Клэр исходящей из самых глубин сердца матери.

Клэр обняла Мирей за плечи.

– Что с ней случилось? – тихо спросила она.

Бросив безразличный взгляд на железную раму кровати с разодранным матрасом, Мирей тихо рассказала, как они попали в поток беженцев из Парижа, когда немецкие войска прорвали линию Мажино и продвинулись к столице. Дорога на юг была забита толпами мирных жителей, когда одинокий самолет атаковал их, снова и снова возвращаясь ради очередного обстрела народа пулеметным огнем.

– Эстер ушла, чтобы попытаться найти еду для Бланш. Когда я ее нашла, ее лицо выглядело таким спокойным. И кровь была повсюду, Клэр. Просто повсюду.

Широко раскрытые глаза Клэр сощурились, когда из них

потекли слезы.

– А Бланш? – спросила она. – Она тоже умерла?

Мирей покачала головой. Потом она повернулась, чтобы взглянуть на Клэр, встретившись с ней взглядом, в котором вспыхнуло неповиновение.

– Нет. Бланш они не достали. Теперь она в безопасности с моей семьей в Суд-Уэсте. Мои мама и сестра присматривают за ней. Но ради ее же собственной безопасности ее происхождение должно оставаться в секрете, пока нацисты продолжают свое варварское преследование еврейского народа. Ты понимаешь, Клэр? Если кто-нибудь спросит, просто скажи, что Эстер и Бланш мертвы.

Клэр кивнула, безуспешно пытаясь утереть поток слез рукавом.

Мирей протянула руку и яростно схватила Клэр за плечи яростной хваткой, которая не могла остаться без внимания.

– Прибереги слезы, Клэр. Когда все это закончится, мы станем скорбеть, но пока еще время не пришло. Сейчас мы должны сделать все возможное, чтобы дать отпор, противостоять этому кошмару наяву.

– Но как, Мирей? Немцы повсюду. Что ж тут поделаешь, если наше правительство отказалось от Франции.

– Всегда можно что-то сделать, какими бы незначительными и маленькими ни казались наши усилия. Мы должны сопротивляться, – она сделала особый акцент на последнем слове, и глаза Клэр расширились от страха.

– Ты хочешь сказать... Ты что, собираешься вмешаться?

Темные кудри Мирей танцевали, как в старые добрые времена, когда она проявляла решительность, и на ее лице было написано явное неповиновение, когда она кивнула. Затем она спросила:

– А ты, Клэр? Что ты собираешься делать?

Клэр покачала головой.

– Я не уверена... Я просто не знаю, Мирей. В подобной ситуации обычные люди, как мы с тобой, просто бессильны.

– Но, если, как ты выражаешься, обычные люди ничего не предпримут, кому же придется сделать этот шаг вперед и выступить против нацистов? Ведь не политикам из Виши, которые теперь лишь марионетки нового режима, и не французской армии, батальоны которой гниют в полувырытых могилах вдоль линии Восточного фронта. Мы – все, что осталось, Клэр. Обычные люди, такие как ты и я.

После паузы Клэр ответила.

– Но ты не боишься, Мирей? Вступать на столь опасный путь... прямо под носом у немецкой армии? Париж теперь принадлежит им. Они повсюду.

– Однажды я действительно испугалась. Но я видела, что они сделали с Эстер и со многими другими, которые были на дороге в тот день. С «обычными людьми». Теперь меня переполняет злость. И она сильнее страха.

Клэр пожала плечами, и Мирей ослабила свою хватку.

– Слишком поздно, Мирей. Мы должны признать, что все

изменилось. Франция не единственная страна, которая пала перед немцами. Пусть теперь сражаются союзники. В наши дни полно войн, так что для того, чтобы остаться в живых, не обязательно искать неприятности в других местах.

Шагнув назад в узкий коридор, Мирей потянулась к ручке двери в комнату Эстер и плотно закрыла ее.

Клэр нервно затеребила подол рубашки, не зная, о чем говорить дальше.

– Тут есть кое-что на ужин... – начала она.

– Все в порядке, – ответила Мирей с улыбкой, которая не смогла изгнать грусть из ее глаз. – Сегодня мне вовсе не хочется есть. Наверное, я просто распакую свои вещи и немного посплю.

Она повернулась к своей спальне, но затем остановилась, не оглядываясь. Ее голос был спокойным и тихим, когда она сказала:

– Но ты ошибаешься, Клэр. Никогда не бывает поздно.

Гарриет

Когда я лежу в незнакомой темноте своей новой спальни, слушая ночные звуки Парижа, доносящиеся с улиц внизу, я размышляю над началом истории моей бабушки, которое рассказала Симона. Я считаю, что ее слова нужно обязательно запечатлеть, поэтому начала записывать их в дневник, который привезла с собой. Поначалу я намеревалась использовать его для ведения записей о своей работе в течение предстоящего года в Париже, но история Клэр и Мирей, кажется тесно связанной со мной, очень важной для понимания того, кем я являюсь, поэтому я так настойчиво и стремлюсь зафиксировать каждую деталь.

Перечитывая первые несколько страниц, я вынуждена признать, что слегка разочарована тем фактом, что прикнуть к отряду Сопротивления первой решила Мирей, а не Клэр, которая, откровенно говоря, по сравнению с ней выглядела трусливой. Но каждый раз я напоминаю себе, что она была молода и еще не успела столкнуться с теми ужасами войны, которые уже повидала Мирей.

Гул дорожного движения на двух улицах бульвара Сен-Жермен прерывается требовательным воплем полицейских сирен. И этот внезапный шум заставляет мое сердце забиться сильнее. Когда я прислушиваюсь к их затиханию, сквозь мое окно на чердаке начинают проглядывать тускло-оран-

жевые городские огни. Я протягиваю руку и касаюсь решетки кровати за головой. Прохладный металл успокаивает, несмотря на шум ночного города. Матрас, на котором я лежу, несомненно, появился сравнительно недавно и достаточно удобен, но может ли оказаться так, что каркас кровати тот же самый и стоит здесь уже долгие годы? Спала ли здесь Клэр? Или Эстер с Бланш?

Я переворачиваюсь на бок, стараясь заснуть. Под тусклыми отблесками фотография на комодe слабо светится в своей рамке. Я могу различить лишь три фигуры, их лиц в темноте не видно.

Вспоминаю предостережение Симоны, которое она сделала ранее: мне следует задавать вопросы только в том случае, если я абсолютно уверена, что хочу знать ответы. Интересно, что хуже: познать ужасы войны, как это выпало на долю Мирей, или решить остаться в стороне, как поступила Клэр?

Симона, должно быть, поняла, что я немного разочарована пассивностью моей бабушки и ее нежеланием участвовать в борьбе против оккупации. Возможно, именно поэтому она и не хотела рассказывать мне ее историю. Но кто может заранее знать, каково это – когда вторгаются в вашу страну? Какой может быть жизнь, полная лишений и страхов, под постоянным давлением иностранного контроля, под дамокловым мечом случайных всплесков жестокости? Как можно заранее предугадать реакцию человека на все это?

Наконец я засыпаю. И мне снятся ряды девушек в белых

халатах, склонившие головы над своей работой, когда они шивают бесконечную реку кроваво-красного шелка.

1940

Мирей вздрогнула, делая вид, что ждет автобуса, стоя у табачной лавки на улице Бюффон. Было очень холодно, и ее ступни замерзли. Она знала, что, вернувшись в квартиру, опустит их в таз с горячей водой, где они будут зудеть и гореть, словно обмороженные.

Чтобы отвлечься от холода, она в очередной раз перебрала в уме полученные инструкции, дабы убедиться в том, что поняла все правильно. Ожидать здесь, пока человек в серой фетровой шляпе с зеленой лентой не войдет в магазин. Когда он выйдет, в его руках будет номер газеты *Le Temps*. Затем ей нужно зайти в магазин и тоже купить экземпляр газеты, предварительно спросив у продавца, остались ли у него вчерашние номера. Из-под стойки он передаст ей сложенную газету. Она должна спрятать ее в сумочку. Затем дойти до станции метро Гар д'Остерлиц и сесть на поезд до Сен-Жермен-де-Пре. Прибыв на место, сесть за столик в дальнем углу *Café de Flore*, пока не появится мужчина с волосами пещерного цвета, на котором будет шелковый галстук с рисунком пейсли⁵. Приблизиться к нему и поприветствовать, как знакомого; затем он закажет ей кофе. Положить свернутую

---

⁵ Пейсли – узор в виде капли с заостренным и загнутым вверх концом. Он имеет и другие названия: индийский или восточный огурец, турецкий боб, манго, а в Индии его именуют «бута́», что в переводе означает «огонь». – *Примеч. пер.*

газету на стол и пить кофе. Затем собраться и уйти, не забывая газету.

Это был не первый раз, когда она передавала сообщения по сети подпольных связных. Вскоре после того, как она вернулась в Париж, когда она отпарывала кусочки шелка, которые потом можно было бы использовать в качестве подкладки для вечернего платья, ей довелось переговорить с агентом, который, как она догадывалась, участвовал в Сопротивлении. Через него ее представили члену подпольной организации, и вскоре она начала получать и другие задания подобного рода. Она знала, что они сначала проверяли ее, дабы удостовериться, что она действительно та, за кого себя выдает, и что она действительно может быть надежным курьером. Она даже не была уверена, на самом ли деле сообщения, которые она передавала, были настоящими. Но сегодняшнее задание немного отличалось от обычного, и она предположила, что близость места встречи к Гар д'Остерлиц, бывшей одним из пунктов прибытия в Париж для поездов с востока и юга, а также пунктом отправления для транспорта в рабочие лагеря, имела особое значение. Поэтому она попыталась не обращать внимания на холод, просачивающийся сквозь подошвы ее туфель, стоптанных за то множество миль, которое ей довелось в них отшагать, и делала вид, что изучает расписание автобусов; наконец краем глаза она заметила человека в «хомбурге», входящего в табачную лавку.

Облако тепла, шума и сигаретного дыма поглотило Мирей, когда она открыла дверь и шагнула через порог Café de Flore. Она обошла вокруг колонн, направляясь в дальний угол комнаты к деревянной стойке бара, как ей было поручено. На банкетке возле двери группа солдат в нацистской форме громко рассмеялась, и один щелкнул пальцами в воздухе, подзывая официанта и заказав очередную бутылку вина. Когда Мирей прошла мимо, один из них вскочил на ноги, загородив ей проход. Ее сердце бешено заколотилось о грудную клетку при мысли о том, что он прикажет показать ему содержимое ее сумочки и сможет прочесть скрытое на страницах газеты послание. Но вместо этого он отвесил изысканный поклон и сделал вид, что предлагает ей свое место под хриплые одобрения своих товарищей.

подавив свой первый порыв – плюнуть ему в лицо, а затем второй – развернуться и бежать, Мирей умудрилась симитировать вежливую улыбку. Дипломатично покачав головой, она прошла мимо солдата и направилась к столу в дальнем углу, где седовласый мужчина в шелковом галстуке с рисунком пейсли сидел, потягивая кофе со сливками и читая собственный экземпляр Le Temps.

Мужчина положил свою газету и поднялся на ноги, когда она подошла, и они обнялись, как будто хорошо знали друг

друга. На секунду она вдохнула аромат его дорогого одеколона, от которого веяло нотками кедрового дерева и лайма, а затем уселась на банкетку напротив него.

Появился официант, и мужчина заказал ей кофе; в это время она небрежно вытащила свернутую газету из своей сумочки и положила ее поверх той, что уже лежала на столе. Мужчина полностью проигнорировал это, отодвинув оба экземпляра в сторону, чтобы он мог наклониться к ней, как это сделал бы любовник.

– Я месье Леру, – сказал он. – А ты, насколько я понимаю, Мирей? Приятно встретить нашего нового товарища по борьбе.

Она кивнула, чувствуя себя неловко и застенчиво, не зная, что сказать этому человеку, о котором ей не было известно абсолютно ничего, хотя сам он совершенно определенно что-то о ней знал.

Она выполнила свою задачу, и теперь ей не хотелось ничего, кроме как выскользнуть из кафе и поскорее вернуться в свою спокойную и безопасную мансарду. Но она заставила себя сидеть, улыбаться и кивать, притворяясь, что полностью поглощена происходящим.

В разговоре между ними возникла минутная пауза, когда появился официант и поставил чашку кофе перед Мирей, подсунув счет под пепельницу в центре стола. Когда был принесен кофе, месье Леру воспользовался этой возможностью, чтобы как бы мимоходом засунуть обе газеты в карман

пальто, небрежно висевшее на спинке его стула.

Он наблюдал за тем, как она держала фарфоровую чашку и осторожно дула на ее содержимое, пока не охладила его достаточно, чтобы сделать глоток. Кофе был не так уж плох, немного водянистый, но не слишком отдающий горечью цикория.

– Итак, вы – одна из швей Делавина? И что сейчас творится в мире моды? Я слышал, что всем крупным модным домам были предоставлены специальные лицензии, позволяющие им продолжать торговлю. Похоже, наши немецкие друзья любят одевать своих жен и любовниц в лучшие французские наряды.

Он говорил ровно, его голос был приятным и располагающим к общению, но в его интонациях она обнаружила скрытое презрение к врагам-оккупантам.

– Мы заняты как никогда, – согласилась она. – Даже если работать в две смены, мы вряд ли сможем удовлетворить весь спрос. Каждая девушка в Париже, любящая хорошо одеваться, жаждет заполучить новый костюм и подходящее по сезону вечернее платье. Несмотря на то, что правительство нормирует продукты питания и топливо для наших домов; оно в придачу гарантирует, что пуговицы и тесьма не нормируются. Однако иногда бывает сложно получить достаточно материала, а цены на него неслыханные.

Месье Леру кивнул.

– В какую странную площадку для игр превратился Па-

риж для немцев. В то время как его исконные обитатели голодают и замерзают, вновь прибывшие устраивают дефиле мирового класса в лучших одеяниях, пьют марочные вина и развлекаются в Мулен Руж.

Снова Мирей поразила тем фасадом невозмутимости, который он воздвиг вокруг себя, пока вел беседу; лишь горечь тона противоречила той картине приятного общения, которую он изображал.

Допивая уже остывший кофе, месье Леру задал ей несколько вопросов об *atelier*: в чем заключается ее работа, сколько всего там швей и кто из девушек живет над магазином.

Когда она поставила свою пустую чашку обратно на блюдце, он протянул руку к ладони Мирей. Для случайного наблюдателя это выглядело бы точь-в-точь как жест романтической близости.

– Спасибо за помощь, Мирей, – сказал он. – Интересно, вы могли бы помочь нам немного больше? Хотя должен предупредить вас: то, что я собираюсь вам предложить, по-настоящему опасно. Я серьезно.

Она улыбнулась ему и убрала свою руку, изображая застенчивость.

– Я хочу сделать все возможное, чтобы помочь, месье.

– Тогда для вас вполне может найтись подходящее задание. Наш общий друг, красильщик, даст вам знать. Спасибо за встречу, Мирей. Берегите себя.

Она встала, отодвигая свой стул, беря пальто и сумку.

– Вы тоже, месье Леру.

Когда она вышла из кафе, то оглянулась назад, туда, где мужчина с песочными волосами и галстуком с узором пейсли расплачивался с официантом.

Он встал и повел плечами. И она запросто разглядела уголок сложенной газеты, едва заметно торчавший из его кармана.

* * *

За высокими окнами пошивочного зала декабрьское небо приобрело мутный металлический оттенок, похожий на мундиры нацистских оккупантов, как будто оно также отбросило всякую надежду и капитулировало перед новым порядком. Блики лампочек над головой казались Клэр такими же яркими, как прожекторы, рассеивающие темноту для самолетов союзников, лучи которых можно было увидеть даже на большом расстоянии, если выглянуть из-за затемнения, которое ночью закрывало мансардные окна. Она поднесла лиф алого вечернего платья из *crêpe de Chine*⁶, над которым работала, чуть ближе к лицу, когда стежки начали разбегаться и расплываться, так как ей приходилось изрядно напрягать глаза в течение нескольких часов подряд. Она сидела у самого окна,

---

⁶ Крепдешин – вид шёлковой креповой ткани с умеренным блеском (*фр.*).

там, где ее стул продувало насквозь, но все равно ни за что не поменялась бы с кем-нибудь из других швей, занимавших места поблизости от чугунных радиаторов у дальней стены. Для работы ей требовалось как можно больше света. Да и радиаторы эти в теперешние времена не выделяли достаточно тепла, так как уголь для подвальной печи был очень строго нормирован. Печь часто ломалась и порой не зажигалась целыми днями, но в камине угля было достаточно, чтобы всегда держать его зажженным в салоне, дабы пришедшие на примерку клиенты не замерзли.

Клэр и ее напарницы становились все хуже, пытаясь выжить на тех скудных пайках, за которыми им приходилось выстаивать длинные очереди по выходным. Когда она окинула взглядом стол, ей в глаза особенно бросилось то, как свет отбрасывает темные тени на их ввалившиеся щеки и глаза. Их фигуры, в плотно облегающих белых халатах, казались пухлыми, у некоторых девушек пуговицы на них выпирали и буквально отрывались. На самом же деле эту иллюзию создавали слои разносортного платья, которое надевалось под халаты, чтобы не пропустить холод, пока они работали в *atelier*.

Мастерская Делавин Кутюр была загружена заказами как никогда, поэтому подготовка к Рождеству оказалась даже более беспокойной, чем в предвоенные годы. Пока в Европе разгоралась война, Париж как будто стал местом роскоши, далеким от происходящего за его пределами, поэтому создавалось впечатление, что все находившиеся в нем немцы толь-

ко и делали, что покупали на черных рынках провизию, вино и дизайнерские платья для своих жен и любовниц. Оставалось только гадать, какое количество их денег осело в стране теперь, когда обменный курс валюты взлетел почти до двадцати франков за рейхсмарку.

Даже немки, получившие назначение в Париж для содействия местной администрации, могли позволить себе покупать платья от кутюр. Продавщицы в салоне про себя яростно ругали их «серыми мышами»: настолько неопрятными и неряшливыми те выглядели, приходя на примерку.

Мадемуазель Ваннье вышла из комнаты на несколько минут, чтобы принести еще одну стопку тонкого неотбеленного муслина, который использовался для макетирования более сложных предметов одежды. После того, как они были раскроены и смётаны, эти *toiles*⁷ снова были разрознены и использованы в качестве шаблонов, чтобы убедиться, что более дорогие ткани, используемые для готовой одежды, были скроены аккуратно и с минимальными потерями.

Воспользовавшись отсутствием мадемуазель Ваннье, Клэр присоединилась к болтовне и сплетням с другими швеями, сидевшими за столом: по слухам, одна из моделей салона вступила в связь с немецким солдатом, и тут мнение девушек разделилось. Некоторые испытывали подлинный шок и отвращение, другие же интересовались: а что делать девушке? Французов в городе сейчас осталось так мало, ведь

---

⁷ Здесь: макеты, детали (фр.)

любой трудоспособный мужчина, которому удалось выжить, отправлялся работать на фабрики и в лагеря Германии, и молодым француженкам приходилось поневоле выбирать: остаться в старых девах или быть изнеженной и избалованной богатым немецким любовником.

Из-под ресниц Клэр взглянула на Мирей, сидевшую рядом. В эти дни она казалась такой отстраненной. Мирей больше не участвовала в девичьей болтовне, стараясь сосредоточиться на своей работе. Теперь она всегда была занята, ничем не напоминала живую, веселую подружку, какой была до оккупации, и, казалось, большую часть времени была погружена в свои мысли. Даже по вечерам и в выходные дни она оставалась замкнутой, часто пропадала неизвестно куда и не приглашала Клэр с собой. Расспрашивать Мирей не имело смысла, как поняла Клэр, поскольку подруга в ответ только грустно улыбалась и качала головой, отказываясь отвечать. Возможно, она действительно играла в свое «сопротивление», как и грозились, едва вернувшись в Париж, но Клэр не могла понять, какую пользу подобные игры могут принести их родине. Однако если Мирей приспичило ввязаться в шпионскую авантюру и водиться с какой-то компанией, пусть себе тешится.

Но Клэр действительно скучала по дружбе, которую они когда-то разделяли. На данный момент в комнатах над магазином спали только две другие девушки, они были из другой смены, поэтому, как правило, исключали Клэр из своих раз-

влечений, предполагая, что она будет проводить свободное время с Мирей.

Клэр отрезала нитку и стала разглаживать алую ткань, наслаждаясь чувством, доставляемым этой роскошью. Ее пальцы, загрубевшие от холода и работы, слегка зацепились за креп.

Потирая большим пальцем потрескавшуюся кожу на кончиках остальных пальцев, Клэр мысленно перенеслась обратно в годы, проведенные в Порт-Мейлон. После того, как ее мать умерла от пневмонии, спровоцированной сыростью, холодом и истощением, оставив свою единственную дочь с наследством из серебряного наперстка и подушечки для булавок, наполненной кофейной гущей, Клэр пришлось взяться за штопку носков и починку одежды отца и четырех старших братьев. Булавки и иголки быстро ржавели на морском воздухе, и ей приходилось часто останавливаться, протирая их наждачной бумагой, чтобы они не затупились и не испачкали ткань рубашек отца и братьев маленькими коричневыми отметинами, так похожими на высохшие капельки крови. Пока она сидела за шитьем рядом с кухней, которая теперь стала ее домом, ее и без того израненные пальцы покрывали все новые и новые трещины, но в ней понемногу зрела решимость сделать доставшееся наследство из иголок и булавок своим пропуском в лучшую жизнь. Ведь это было все, чем она обладала. И ей нужно воспользоваться всем этим, чтобы не последовать по стопам матери и избрать свой собствен-

ный путь. Клэр не выдерживала мыслей о могиле матери в церковном дворе на холме. Вместо этого она предпочитала думать о возможной жизни в другом месте, где все исполнено элегантности и утонченности. Поэтому она сосредотачивалась на том, чтобы ее швы становились все тоньше и аккуратнее, чтобы шитье было быстрым, но тщательным.

Ее раздумья о столь приятных для нее вещах были своего рода способом хотя бы на время убежать от грубого, требующего постоянной покорности воспитания в доме, полном мужчин, проводящих все свое время в попытках удержать рыбацкие сети от цепкой хватки холодных атлантических вод. Когда ее отец и братья уходили в плавание, она предлагала соседям по поселку свои услуги по пошиву, получая за это по несколько су, которые хранила в старом носке, упрятанном на самое дно ее швейной корзинки. Носок понемногу становился все тяжелее и растягивался под весом копившихся в нем монет. Однажды она пересчитала свои деньги и обнаружила, что у нее их достаточно на билет до Парижа.

Ее отец едва отреагировал, когда она сказала ему, что уезжает. Она подозревала, что это будет для него больше облегчением, чем что-либо еще, ведь надо будет кормить на один рот меньше. И Клэр чувствовала, что она своим присутствием все сильнее напоминает ему о мертвой жене, ее матери, и это напоминание, вероятно, пронзало его сердце чувством вины всякий раз, когда он смотрел на нее. Он должен понимать, что ей негде будет жить, поэтому он не вправе обви-

нять ее в том, что она хочет уехать. Он отвез ее на станцию в Кемпере и похлопал по плечу, когда пришел поезд, взяв ее сумку и протянув ей, когда она поднялась по ступенькам в вагон: вот и все благословение, на которое он оказался способен, но даже оно превзошло ее ожидания.

Отложив лиф от красного вечернего платья, она вздохнула. Что ж, выходит, она добралась до Парижа только для того, чтобы война помешала ее планам построить лучшую жизнь. И теперь она проводила дни, по-прежнему скорчившись над рутинным шитьем, постоянно мерзла и голодала еще сильнее, чем дома.

Ее охватил короткий приступ жалости к себе и тоски по дому при мысли о семье, которую она оставила в Порт-Мейлон. Она представила себе веселые ухмылки своих братьев, когда они возвращались домой в коттедж на набережной: Тео взъерошивает ей волосы, а Жан-Поль поднимает крышку с горшка, в котором на ужин готовились морепродукты, чтобы попробовать, как удалась тушеная рыба, пока Люк и Марк стягивают с себя ботинки у входной двери. Неужели теперь, когда она исчезла оттуда, их рубашки остаются непочиненными, а носки – незаштопанными? Ей не хватает звука их смеха и милого поддразнивания, да и незаметного присутствия их отца, когда он сидит в своем кресле, сплетая веревки или распутывая сети. Забавно, подумала она: стоит им оказаться дома, и ты сразу чувствуешь себя словно в толпе, но стоит им уйти, и крошечный коттедж начинает казаться

слишком большим и пустынным.

Она отмахнулась от нахлынувших воспоминаний, подумав, что еще никому не помогало погрязнуть в жалости к самому себе. Осторожно вонзив иглу обратно в подушечку, доставшуюся от матери, она напонила себе, как далеко она продвинулась, несмотря на трудности. По сравнению с рыбацкой деревушкой в Бретани, большой город был местом безграничных возможностей. Ей просто нужно было приложить еще немного усилий, сделать еще один рывок, чтобы эти возможности сами нашли ее.

Гарриет

Произошел еще один теракт. Город потрясен шоком, а заголовки кричат о его страданиях по всему миру. Париж уже пошатнулся от жестокого нападения на сотрудников в офисах *Charlie Hebdo*⁸ в январе, и теперь боевики убили почти сотню зрителей в театре Батаклан, держа группу выживших в заложниках в течение нескольких часов, прежде чем французская полиция смогла успешно завершить осаду. Репортажи пестреют сообщениями об отнятых жизнях, сама жизнь меняется самым невообразимым образом, происходят отвратительные вспышки жестокости. Такое трудно читать, но и не делать этого просто невозможно.

Папа звонит мне:

– Ты уверена, что находишься в безопасности? Почему бы тебе не вернуться домой?

Я пытаюсь заверить его, что мне ничего не угрожает, где бы я ни находилась, хотя меня каждый раз одолевает беспокойство, когда я иду по улице. Мое сердце обливается кровью, когда я читаю очередной репортаж о несчастных жертвах. Большинство из них были молоды, примерно того же

---

⁸ Charlie Hebdo – французский литературно-художественный еженедельный журнал политической сатиры, Публикует карикатуры, репортажи, дискуссии и анекдоты неконформистского характера. Занимая левые и светские позиции, высмеивает политиков, ультраправых, ислам и христианство.

возраста, что Симона и я. Но мы стараемся сосредоточиться на нашей работе; беспрестанные вопросы заставляют нас трудиться усерднее.

С девяти до пяти офис наполнен тихим гулом разговоров и чуть слышными звонками телефонов. Мы с Симоной поочередно исполняем работу администратора, и я всегда чувствую ответственность за то, что являюсь первым контактным лицом для клиентов «Агентства Гийме». Несмотря на то, что сама компания не слишком крупная, она обладает серьезной значимостью: среди ее клиентов – несколько подающих надежды дизайнеров, производители брендовых аксессуаров класса люкс и молодая компания по производству экокосметики. Конечно, у крупных кутюрье есть свои собственные пиар-команды, но Флоренс сумела занять свою нишу в непростом мире парижской моды. Она обладает чутьем на многообещающие молодые таланты и умеет находить творческие способы продвижения своих продуктов. За эти годы она заслужила уважение своих сверстников и создала завидную сеть контактов. Так что, по прошествии многих дней, меня уже не удивить беседой с бывшей супер-моделью, которая теперь разрабатывает собственную линию купальников. Или разговором с редактором глянцевого журнала, ехидным молодым дизайнером обуви, а также его «музой», которая носит обтягивающий комбинезон с парой самых головокружительных платформ, украшенных, ко всему прочему, золотыми ананасами.

Флоренс также дает мне возможность работать вместе с менеджерами по работе с клиентами, и я чрезвычайно горжусь первым пресс-релизом, который помогала составлять. Он о запуске последней коллекции обувного дизайнера. Эту коллекцию будут показывать на неделе моды в Париже через четырнадцать дней; менеджер по работе с клиентами показывает мне список получателей и просит отправить его. Когда я это делаю, мне приходит в голову идея.

– Кто-нибудь в Великобритании знает о том, какой способный дизайнер этот парень? – спрашиваю я.

– Пока нет. Нам трудно выйти на этот рынок, поэтому мы в первую очередь ориентируемся на Париж.

– Если бы я перевела пресс-релиз и разослала его нескольким покупателям в некоторые из наиболее оживленных лондонских торговых точек, вы бы это одобрили?

Аккаунт-менеджер пожимает плечами.

– Не стесняйтесь. Нам нечего терять, и, возможно, это был бы хороший способ начать оценивать интересы живущих по ту сторону Ла-Манша.

Поэтому я составляю вступительное электронное письмо и прилагаю переведенный релиз. Немного покопавшись и сделав несколько телефонных звонков, я нахожу несколько лондонских контактов, а затем, с одобрения Флоренс и менеджера по работе с клиентами, нажимаю «Отправить».

Симона впечатлена.

– Твой первый пресс-релиз! Мы должны отпраздновать.

Я знаю отличный бар, куда мы можем пойти. Сегодня вечером живая музыка, и некоторые из моих друзей тоже будут там. – Я уже узнала, как сильно она любит музыку; она всегда включает ее в квартире и носит наушники, когда находится вне дома.

И вот той же ночью мы переправляемся через реку и движемся в район Маре с его узкими улочками и скрытыми площадями. Присутствие полиции еще более очевидно, чем обычно, ведь вооруженные офицеры патрулируют все оживленные перекрестки. Это зрелище обнадеживает, хотя и заставляет мое сердце биться от страха, который скрывается под мишурой городских огней и транспортных потоков. Симона ведет меня мимо музея Пикассо, а затем мы ныряем в бар. Акустический дуэт играет на небольшой сцене в одном конце многолюдной комнаты поверх гула болтовни и смеха, которые раздаются вокруг.

Друзья Симоны машут нам из-за составленных вместе столов и подтягивают для нас стулья, чтобы мы тоже смогли втиснуться в компанию, добавив бокалы со своими напитками в общий грохот стаканов и бутылок. Музыканты действительно хорошие. И я начинаю расслабляться, наслаждаясь обстановкой и компанией. Друзья Симоны – творческая группа, в которую входят владелец галереи, дизайнер, актриса, звукорежиссер и как минимум два музыканта. Я полагаю, что любовь Симоны к музыке изрядно помогла укрепить некоторые из этих дружеских отношений. Меня удив-

ляет то, как легко я смогла почувствовать себя частью группы этих молодых парижан. Прежде мне не приходилось заводить близких друзей в школе или в университете, и теперь я понимаю, что никогда по-настоящему не чувствовала, что вообще смогу хоть где-нибудь приспособиться. Возможно, это ощущение возникло из-за того, что я не жила дома с отцом и мачехой. Быть может, это подорвало мою уверенность в том, какое же место я занимаю в мире. Ведь большую часть жизни я провела словно в какой-то ничейной стране, где одиночество было облегченным вариантом попыток вписаться. Я всегда чувствовала, что между мной и моими сверстниками есть определенная дистанция: им не нужно было присутствовать на свадьбе их собственных отцов с кем-то незнакомым, а после этого идти на похороны родной матери. Здесь, в этой компании незнакомцев, я не чувствую, что должна объяснять, что моя мать была для меня всем, и как мне не хватило возможности заставить ее хотеть остаться в этом мире.

Звукорежиссер, который представляется как Тьерри, приносит еще одну порцию напитков и подталкивает Симону подняться, чтобы он мог продвинуть свой стул между нами.

Он задает вопросы о моей работе и первых впечатлениях о Париже; я спрашиваю, каково ему работать на самых разных концертных площадках столицы. Я общаюсь, чувствуя себя все более уверенно, говоря по-французски, и осознаю, что расслабляюсь и наслаждаюсь его обществом.

Сначала разговор между друзьями легок и жизнерадостен,

наполнен улыбками и смехом, но затем он неизбежно переходит на тему теракта в Батаклане. Настроение за столом сразу становится мрачным, и я вижу боль от грубого вмешательства теракта, совершенного над городом, написанную на лицах Симоны и ее друзей – это чувство охватывает всех. Батаклан не так уж далеко от места, где мы сидим, и Тьерри рассказывает мне, что он знал бригаду звукорежиссеров, которые работали там в ту ночь. Внезапно он начинает говорить о тех событиях так, словно они произошли в его собственном доме. Пока я слушаю, его лицо искажается гримасой глубокой боли, сменяя былое спокойствие маской горя. Его друзья вышли и помогли трупке и нескольким зрителям оказаться в безопасности, но сама жестокость содеянного и мысль о многих молодых жизнях, потерянных или навсегда поломанных из-за ужасных ран, как психических, так и физических, навсегда изменили видение этими людьми своего города. Подспудно начинает казаться, что страх и недоверие скрываются повсюду.

– А тебя беспокоит, что нечто подобное может случиться с тобой, когда ты на работе? – спрашиваю я его.

Тьерри пожимает плечами.

– Конечно. Но что мы можем поделать? Ты не можешь позволить террору победить. Становится все важнее сопротивляться желанию поддаться страху.

Я потягиваю свой напиток, размышляя над его словами. Я слышу в них отголосок желания Мирей участвовать в со-

противлении и ее утверждения о том, что именно обычные люди должны решать, как жить дальше.

– Даже посещение бара в пятницу вечером, чтобы послушать музыку, приобретает для нас иное значение, – он улыбается, и печаль в его темных глазах сменяется гневной вспышкой. – Мы здесь не просто для того, чтобы повеселиться. Мы здесь, чтобы убедиться, что свобода жить нашей жизнью не может быть отнята у нас. Мы здесь ради каждого из тех людей, которые были убиты той ночью.

Тьерри хочет услышать мое мнение, когда он спрашивает меня, какое влияние оказали атаки террористов по ту сторону Ла-Манша, в Великобритании, и о том, как мы справились с их зверствами на нашей собственной земле.

– Мой отец волновался, что я еду в Париж, – признаюсь я. – Не то чтобы Лондон уже стал полностью безопасен. – После того, что опубликовал Charlie Hebdo, папа изо всех сил пытался отговорить меня от работы за границей, вплоть до последней минуты. В то время его вмешательство вызывало во мне лишь негодование, так что я отметила этот факт как еще один пример того, что расстояние между нами увеличилось: неужели он не понимал, насколько эта возможность важна для меня? Разве он не понимал, насколько сильно мне хотелось уехать? Но теперь я осознаю, как он был обеспокоен. С этой позиции мне ясно, что его нежелание моего отъезда, возможно, было больше связано с любовью, чем с недостатком понимания. На мгновение я испытываю тоску

по нему. Мысленно я решаю, что завтра позвоню ему, хотя он, вероятно, будет слишком занят, чтобы говорить со мной и, как обычно, ходить по магазинам с моей мачехой или водить девочек на уроки танцев по выходным и на ночевки.

Мы с Тьерри беседуем до позднего вечера, хотя музыканты уже давно закончили свой сет и присоединились к нам за столом, и в конце я чувствую настоящую близость с Симоной и ее друзьями, что для меня является своего рода сенсацией. Постепенно я обнаруживаю, что сбрасываю с себя защитную оболочку, моя обычная скрытность тает, поскольку я начинаю открыто проявлять свои мысли и чувства.

Похоже, что из-за бесед на новом языке и будучи в городе, где я человек посторонний, мне легче быть собой. Возможно, здесь, в Париже, я смогу стать тем, кем хочу быть, наслаждаясь свободой, которую приносит новое начало.

Затем у меня возникает другая мысль: возможно, именно это и чувствовала Клэр.

1940

Atelier в канун Рождества закрылось рано, как только несколько последних клиентов были обслужены и с них получены комиссионные, необходимые нам для обслуживания *soirées*⁹ и проведения праздничных мероприятий.

Мадемуазель Ваннье даже соизволила выдать сдержанную улыбку, пока раздавала швеям конверты с зарплатой.

– Месье Делавин сказал мне сообщить вам, что он доволен вашей работой. Это был один из наших самых успешных сезонов, поэтому он, что весьма щедро с его стороны, попросил меня назначить каждой из вас, так сказать, небольшое вознаграждение за ваши старания и преданность.

Девушки обменялись косыми взглядами. Было общеизвестно, что одна из *vendeuses* покинула ателье всего неделю назад, прихватив с собой всю смену своих помощниц и маленькую черную книжечку, в которой были записаны мерки и контактные данные всех ее клиентов. Ходили слухи, что ее переманил другой модный салон, а одна швея даже осмелилась пробормотать, что некая «Коко», которая поощряла контакты с немецкими оккупантами, теперь весьма настороженно относилась к набору нового персонала, хотя ее собственный бизнес процветал именно на упомянутых контак-

---

⁹ Здесь: суаре, вечеринка (фр.).

тах.

Швеи взволнованно болтали, повесив белые халаты и натянув шарфы и перчатки. Клэр с завистью посмотрела на них, засунув свой конверт с зарплатой в карман юбки; у большинства из них были дома, куда можно было пойти, и семья, где, опять же, можно было бы поужинать вечером под *Réveillon de Noël*¹⁰, независимо от того, насколько скромным был праздник в этом году, чтобы по-семейному встретить Рождество. У нее же были лишь три компаньонки в квартире наверху и чрезвычайно аппетитное меню из овощного супа, который состоял в основном из репы, и небольшого количества черствого хлеба, чтобы за их поглощением нетерпеливо ждать рождественского чуда.

В насквозь промерзшей мансарде она взяла часть денег из полученной зарплаты, тщательно подсчитав, сколько ей понадобится на предстоящую неделю, и спрятала остальное в жестянку, которую держала под матрасом. Стопка банкнот – ее сбережения и пропуск в ту жизнь, о которой она мечтала, – росла медленно, но неуклонно.

Затем из ящика рядом с кроватью она взяла небольшую коробочку, обернутую коричневой бумагой, и пошла по коридору, чтобы постучать в дверь спальни Мирей. Однако ответа не дождалась, и когда она постучала снова, немного сильнее, дверь распахнулась, открыв ее взору лишь аккуратно заправленную кровать, на которой небольшой кучкой ле-

---

¹⁰ Рождественская елка (фр.).

жали вещи Мирей, словно брошенные туда в спешке.

Клэр огляделась. Пальто Мирей обычно висело позади двери, но сейчас его там не было. Должно быть, она снова отправилась на встречу с тем, с кем она обычно встречалась, чтобы делать то, что она обычно делала. И это в канун Рождества! Похоже, для нее все это было гораздо важнее, чем проводить время с друзьями. Клэр вздохнула и заколебалась, затем положила коричневый пакет на подушку Мирей и повернулась, чтобы уйти, осторожно прикрыв за собой дверь.

Затем вернулись двое ее соседок по комнате, смеясь и сплетничая. Когда они увидели Клэр, то остановились.

– Ты чего такая кислая? Мирей тебя бросила? Только не говори, что в одиночку собираешься встретить *Réveillon*¹¹! – Они посмотрели друг на друга и кивнули. – Давай, Клэр, мы не можем оставить тебя здесь. Пошли с нами! Мы собираемся повеселиться. Надень подходящие для танцев туфли и вперед! Вряд ли ты познакомишься с кем-нибудь, сидя тут, на чердаке.

После минутного колебания Клэр вытащила жестяную банку из-под своего матраса и извлекла часть сохранившейся зарплаты. Дальше она уже даже смутно помнила, как оказалась на улице Риволи среди толпы весельчаков, едва замечающих красные, белые и черные флаги, колыхающиеся под звездным небом на сильном ветру. Этот ветер всю ночь бродил и шнырял по широкому бульвару.

---

¹¹ Рождество (фр.).

Мирей спешила по узким улочкам Маре и, наконец, остановилась перед витриной, как ее и учили, наблюдая за тем, чтобы за ней никто не следил. Белый знак, прикрепленный к двери, резко выделялся на фоне опущенных затемняющих жалюзи: новое руководство, гласил он, по приказу администрации. Такие объявления появлялись все чаще и чаще на дверях и витринах магазинов, особенно в этом квартале города. Все это были заведения, ранее принадлежавшие лавочникам еврейского происхождения. Но теперь владельцы покинули их: целые семьи оставили свои дома и отправились в депортационные лагеря в пригородах, а затем – еще дальше, один бог знал куда. Предприятия были присвоены властями и «перераспределены», как правило, в руки сочувствующим новой власти или тем, кто завоевал доверие администрации, донеся на соседей или предав своих бывших работодателей, которые раньше были владельцами магазинов, подобных этому.

Пригнув голову под напором северного ветра, Мирей свернула в небольшой переулок и постучала в дверь дома, который показался ей безопасным. Три быстрых, тихих удара. Затем пауза и еще два. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и она проскользнула внутрь.

Месье и мадам Арно (она понятия не имела, настоящие ли

это были имена) являлись одними из первых членов хитро-сплетенного плана, с которыми она связывалась через красильщика, и это был уже не первый раз, когда она отправлялась в их дом, чтобы передать с рук на руки или забрать очередного «друга», который нуждался в укрытии на ночь или две, или для сопровождения его по городу, чтобы благополучно доставить в руки следующего *passseur*¹² их организации. Она знала, что в городе действуют и другие группы, помогающие нуждающимся пройти под самым носом оккупационной армии и удалиться в безопасное место. Однажды, когда планы изменились в последнюю минуту, ее попросили сопровождать молодого человека, который должен был уехать с вокзала Сен-Лазара, поэтому она знала, что некоторые из повстречавшихся ей людей, должно быть, являются выходцами из Бретани. Но чаще всего пунктами назначения были Исси-ле-Мулино, Булонь-Бийанкур или места неподалеку от Версаля, так что отчетливый юго-западный акцент из уст человека, который должен был стать следующей частью плана, убедил бы ее, что последний «друг» передается в хорошие руки, чтобы совершить через Пиренеи сложное путешествие к свободе. Она часто задавалась вопросом, не будет ли их маршрут пролегать поблизости от ее дома.

Сегодня вечером она испытывала особенную тоску по своей семье, представляя их всех на речной мельнице под тем же небом, украшенным замерзшими звездами. Ее мать

---

¹² Паромщик, проводник (фр.).

будет на кухне, готовя рождественский ужин из того, что ей удалось наскрести. Возможно, ее сестра, Элиан, тоже будет сидеть там, греясь в тепле старого торфяного очага, покачивая на колене малышку Бланш. Ее отец и брат войдут в дверь, вернувшись после того, как доставили последние несколько мешков муки в местные магазины и пекарни, а ее отец подхватит Бланш и поднимет ее в воздух, что заставит ее смеяться и хлопать своими пухлыми ручками.

Что-то внутри Мирей сжалось от тоски по дому. После это чувство долго её не отпускало. Как же она по всем сучала. Она бы отдала все, что угодно, чтобы оказаться там, на кухне, делясь скромной, но богато приправленной любовью едой. А потом, лежа в своей постели в комнате, которую они с Элиан разделяли, они шепотом обменивались бы секретами. Как же ей хотелось довериться хоть кому-нибудь.

Но это была роскошь, которую она не могла себе позволить. Она заставила себя отогнать прочь мысли о доме и сосредоточиться на своих инструкциях к сегодняшнему заданию.

Мадам Арно объяснила, что празднование Рождества, как все надеются, отвлечет солдат, которых назначили охранниками в праздничный период. Мирей должна сопровождать человека в Пон-де-Севр, где их встретит Кристиана, *passeuse*, с которой Мирей раньше работала, и она отвезет спутника по определенному маршруту в безопасное место.

– Но сегодня вечером вам придется работать особенно

быстро, Мирей, – предупредила мадам Арно. – В метро будет многолюдно, поездов, наоборот, мало, так что ваша встреча с Кристианой должна состояться точно в назначенное время, чтобы вы успели вернуться домой до наступления комендантского часа. Даже на Рождество было бы неразумно привлекать излишнее внимание немцев.

Мирей кивнула. Она прекрасно понимала, насколько велик риск. Её предупредили, что при задержании и допросе, ей следует держаться по возможности скрытно как минимум первые двадцать четыре часа, чтобы остальные успели замести следы и разойтись. Она знала о пытках, которые были в ходу у нацистов, чтобы добывать информацию от любых подозреваемых в принадлежности к Сопротивлению, поэтому глубоко внутри нее поселился страх. Если до этого дойдет, сможет ли она выдержать такое обращение?

Впрочем, сейчас об этом она не думала: ей нужно было полностью сосредоточиться на задании. Даже секундное отвлечение или малейший страх могут выдать их, что будет означать: она утратила бдительность в какой-то решающий момент. Было неизвестно, что ждет их в пути ради благополучной доставки ее «друга» к месту назначения.

– Французским владеет? – спросила она мадам Арно, имея в виду незнакомца, ради которого собиралась рискнуть своей жизнью.

Мадам Арно покачала головой.

– Почти нет, у него такой ужасный акцент, который мгно-

венно его выдаст. И еще одно осложнение – он повредил ногу. Поэтому вам придется оказывать ему некоторую поддержку, если вам придется пройти более или менее значительное расстояние.

Возможно, неудачно приземлился при прыжке с парашютом, подумала Мирей. Это будет уже не первый иностранный летчик, которому она поможет сбежать. Или, может быть, этот человек, чья религия заставила его в страхе спасти свою жизнь, только что прошел долгий, страшный путь. А может, причиной была политика. Или просто мелкая вражда с соседом, которая вылилась в донос. Кто же мог подумать? Она не спрашивала, ведь чем меньше она будет знать, тем лучше. Особенно если её поймают.

Из комнаты в задней части дома появился мужчина, одетый в плотное пальто. Он хромал, и месье Арно, который следовал за ним, протянул ему руку, чтобы поддержать под локоть, пока мужчина спускался по двум ступенькам от прихожей ко входу, где его ждала Мирей. Его кожа имела сероватый оттенок, и, хотя он пытался скрывать это, она увидела, как он вздрогнул от боли, когда ступил на травмированную ногу. Месье Арно протянул ему шляпу-хомбург. И Мирей не могла не заметить, что шляпа эта серая, и что на ней зеленая лента, точно такая же, как на той, которую носил человек, бросивший газету во время ее первого серьезного – как ей казалось – задания в тот день, когда она впервые повстречала месье Леру.

– Пойдем, – прошептала она по-английски. – Нам нужно идти.

Мужчина кивнул, а затем повернулся к мадам Арно, обхватив обеими руками ее ладони.

– Мерси, мадам, тысяча спасибо, вы очень мужественный... – Он запнулся, и подавленные гласные, обличающие его английский акцент, заставили обеих женщин вздрогнуть.

Одно можно было сказать наверняка: если их остановят и попросят документы, вести беседу придется ей. Ее проинформировали о том, что у него на руках фальшивые бумаги; она знала, что где-то в одном из карманов пальто у него лежит идентификационная карта, которую он якобы получил «как-то и от кого-то», чтобы соответствовать ее истории.

Когда они шли рука об руку через Марэ, выглядя, словно молодая пара, ищущая, где бы опрокинуть пару стаканчиков, чтобы отпраздновать *Réveillon*, она пыталась выглядеть так, чтобы было похоже: это он поддерживает ее, а не наоборот. Ей думалось, что нужно по максимуму использовать метро, чтобы ходить ему пришлось как можно меньше. В то же время она понимала, как важно избегать оживленных станций, вроде площади Бастилии, которые часто обстреливаются и где с большой вероятностью будут находиться дежурные охранники, проверяющие документы.

Она вела мужчину по улицам, время от времени ободряя его, хотя представления не имела, что из сказанного ей он мог понять. Но когда они подошли к станции метро Сен-

Поль, она с ужасом увидела двух немецких охранников, стоящих у входа. Они остановили какого-то человека и кричали, чтобы он предъявил свои документы, а он в это время шарил в атташе-кейсе, пытаясь их отыскать.

Быстро прикинув шансы, Мирей направила своего «друга» на улицу Риволи. Было бы лучше смешаться с толпой, ищущей удовольствий, и перейти к другой станции метро. Их постепенно захватывало и носило по волнам моря весельчаков, и мужчина всякий раз задыхался, когда кто-нибудь наталкивался на него, а боль в ноге заставляла его почти каждому уступать дорогу.

– Держись за меня крепко, – пробормотала Мирей ему на ухо, обхватив его рукой за талию. Если им повезет, он сможет сойти за обычного гуляку, перебравшего Ricard¹³, чья подруга пытается отвести его домой, чтобы тот проспался. Так или иначе, они, пошатываясь, миновали отель де Виль, где еще большая группа нацистов занималась проверкой документов. Мужчина уже изрядно вспотел от боли в ноге, и Мирей изо всех сил пыталась помочь ему оставаться в вертикальном положении. Придется им рискнуть и отправиться к Шатле, хотя она и была одна из самых оживленных станций на линии. Ле-Аль, оптовый рынок, который располагался рядом со станцией метро, был известен как «горячая точка» для нечистых на руку дельцов, хотя это обычно означало, что немцы скорее предпочитали там отовариваться, чем

---

¹³ Дешевое красное вино. – *Примеч. пер.*

проверять необходимые бумаги. Она вознесла молчаливую молитву всем, кто мог ее услышать: пусть в канун Рождества отныне и впредь каждому солдату-оккупанту будет интереснее возложить руки на очередной стейк или тарелку устриц, чем докапываться к измученной паре, держащей на нетвердых ногах путь домой. Тем более такой потрепанной паре.

Они незаметно проскользнули мимо группы шумевших солдат, которые были слишком заняты, пытаясь подманить свистом группу девушек, одевшихся для ночных прогулок вместо того, чтобы обращать внимание на что-либо еще. Когда раздался крик и пронзительный свист, Мирей едва не овладела паника, но она заставила себя продолжать двигаться, направляя своего спутника к лестнице, ведущей на платформы. Быстро бросив взгляд назад, она увидела, что, к счастью, внимание полиции на этот раз привлек простой карманник. На секунду она замешкалась: ей показалось, что кто-то зовет ее по имени, но в этой толпе невозможно было выделить отдельного лица, поэтому она продолжала идти, чувствуя, как мужчина рядом с ней задыхается от боли при каждом шаге вниз.

В тусклом свете на платформе его лицо выглядело серее, чем когда-либо, и она забеспокоилась, что он может потерять сознание. Если бы это произошло, они стали бы центром всеобщего внимания, а это последнее, чего бы им хотелось. Она с тревогой посмотрела на него, и он улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ, успокоившись. Они справятся. Она

видела, что перед ней боец, человек, способный идти до конца. Он сделает все возможное, чтобы сбежать. Худшее было уже позади. Она прикинула маршрут... Им просто нужно сесть на следующий поезд, а затем перейти на девятую линию; если сегодня вечером станция рядом с площадью Рон-Пуан будет открыта, они смогут добраться до Пон-де-Севр...

Наконец поезд с грохотом примчался на станцию, и из него хлынул поток пассажиров. С мрачной решимостью Мирей выставила вперед локоть, увлекая мужчину за собой, а затем подтолкнула его к одной из сдвоенных банкеток. Когда двери закрылись и поезд отошел от платформы, мужчина рядом с ней закрыл глаза и облокотился на нее, вздохнув с облегчением.

* * *

Над землей, среди баров и ресторанов Ле-Аль, Клэр на мгновение остановилась. Была ли только что увиденная девушка действительно Мирей, которая шла за руку с этим незнакомцем, пока лестница метро не поглотила их? Похоже, она так крепко втюрилась в своего любовника, что даже не заметила, как Клэр позвала ее, когда они оказались всего в нескольких футах. Значит, это и есть ее дела? Какой-то приятель, которого она даже не удосужилась ей представить. Не говоря уже о том, чтобы вместе поехать куда-нибудь, а может, и попросить, чтобы она их познакомила... Но ты, ко-

нечно, знаешь, кто твои настоящие друзья, подумала она.

И с этими мыслями она отвернулась, чтобы последовать за двумя другими девушками в бар, где солдаты в серой форме бездельничали за маленькими столиками в поисках симпатичных французских девушек, на которых можно было бы потратить свои деньги и забыть, как далеко от дома они находятся в Рождественский сочельник.

Гарриет

С момента прибытия в Париж одной из главных задач в моем списке дел было посещение музея Гальера, посвященного моде. Мне доводилось видеть его фотографии, но я совершенно не была подготовлена к тому, какое потрясающее впечатление он производит в реальности. Это жемчужина среди дворцов, идеальное здание, похожее на свадебный торт, сочетающее итальянский стиль с белокаменными колоннами и балюстрадами. Я вступаю внутрь через богато украшенную резную сторожку, вход в которую ведет с улиц одного из самых элегантных районов Парижа, изобилующих зеленью. Там я чувствую, что мгновенно попадаю из города напрямиком в сельскую идиллию. Деревья окаймляют аккуратно ухоженный парк, а прямо за их по-осеннему обнаженными ветвями Эйфелева башня врезается в высокую чистоту неба. Повсюду расставлены статуи, а центром перед дворцом выступает медная фигура девушки, вокруг которой выются ленты цветочных клумб в желтых и золотых оттенках.

Мое сердце трепещет от предвкушения, когда я поднимаюсь по широким белым ступеням ко входу с колоннадой.

Меня переполняет восторг, когда я узнаю, что здесь проводится выставка моделей пятидесятых годов. Поэтому я чувствую, что словно перенеслась почти во времена войны, что почти могу, протянув руку, прикоснуться к работам Кл-

эр и Мирей, напоминая себе, что сшитые ими платья, костюмы и пальто были непосредственными предшественниками одежды, на которую я смотрю сейчас. Я брожу по главной галерее, упиваясь элегантностью этого золотого века высокой моды. Здесь преобладают работы Кристиана Диора в стиле «Нью лук»: обтягивающие талию прямые юбки, которые стали ответом моды на ограничения военных лет. Также есть классические костюмы Chanel и потрясающие, обманчиво простые платья от Balenciaga, покрытые горным хрусталем. Эта одежда знаменует собой начало и конец эпохи – последний, недолгий расцвет французской моды по окончании войны, когда на смену ему пришли традиции модных домов готового платья.

Я задерживаюсь в музейных галереях, очарованная представленными в них экспонатами. Наряду с выставкой работ кутюрье пятидесятых есть залы, где представлена вся история моды: от одежды, в которую облачались Мария-Антуанетта и императрица Жозефина Богарне, до черного платья, которое Одри Хепберн¹⁴ носила во время съемок фильма «Завтрак у Тиффани». От всего этого просто перехватывает дух.

Когда, наконец, я вновь выхожу в ясный осенний день, то

---

¹⁴ Одри Хепберн – британская актриса, фотомодель, танцовщица и гуманитарный деятель. Признанная икона киноиндустрии и стиля, пик карьеры которой пришёлся на Золотой век Голливуда. «Завтрак у Тиффани» – романтическая комедия, снятая режиссёром Блэйком Эдвардсом. Экранизация одноимённой новеллы Трумена Капоте.

решаю идти назад вдоль реки, а не спускаться в метро. Вдоль набережных Сены деревья одеты в золото, и воды реки мерцают тем же золотистым светом, пока наконец не приобретают, словно по капризу алхимика, медный оттенок, достигнув проходящих мимо туристских лодок.

Пока иду, окунувшись в эпоху создания этой прекрасной одежды из музея Гальера, размышляю над тем, что же мне довелось узнать о жизни моей бабушки во время войны здесь, в Париже.

Я испытываю смешанные чувства. Теперь, когда мне известно немного больше, мне не терпится узнать обо всем, что произошло. Но в то же время, исходя из того, что сказала мне Симона, я все больше задаюсь вопросом, понравилась бы мне моя бабушка Клэр, если бы мне довелось с ней встретиться. По сравнению с Мирей она кажется немного слабой и слишком уж озабоченной миром парижского гламура.

Конечно, она была молода, но Мирей тоже, так что это не оправдание. У нее явно было тяжелое детство, она росла без матери, в нищете, в доме, полном мужчин, где ей суждено было стать домработницей с самого юного возраста.

Так что я вполне могу понять ее тоску по жизни, в которой царят роскошь и элегантность. Исходя из этого, понимаю, что мы с ней не так уж и отличаемся.

А потом мне приходит в голову, что, возможно, увлечение миром моды передалось мне от бабушки. Может быть, я действительно унаследовала подобную тягу от Клэр? Или

это просто стремление вырваться из обыденной реальности в мир фантазии и гламура? В любом случае, эта мысль вызывает смутные эмоции. Поскольку я всегда считала, что иду своим собственным путем, моя «страсть к моде», как иногда пренебрежительно выражался мой отец, была моей и только моей. Увлечение модой полностью отражало меня как личность, проявляло мою индивидуальность, за это я цеплялась в семье, в которой чувствовала себя почти незаметной. Меня одолевает беспокойство от осознания, что дело не в моей уникальности, а в связующей нас невидимой нити, которая тянется из поколения в поколение.

После этого осознания мои размышления уносит в другое русло. И путаный клубок мыслей рассеивается где-то внутри меня. Во-первых, меня обнадеживает чувство связи и преемственности, что я каким-то непонятным образом связана с моими предками; во-вторых, тревожит ощущение, что я становлюсь частью чего-то важного в истории моей семьи. Хотя не уверена, хочу ли быть этой частью. Все эти сведения о моих предках – хорошо это или плохо? Кем на самом деле были эти люди? Что еще я унаследовала от них? От моей бабушки? От моей мамы?

Мама. Послужил ли бабушкин опыт причиной той депрессии, которая разрушила её жизнь? Была ли где-то в глубине души тревога, которая все ближе и ближе подводила её к саморазрушению? В моих воспоминаниях она ко всему была мягкой и нежной. Я помню, как она играла мне мелодии на

своим любимым пианино, часами забавляла меня детскими стишками, обучала словам рождественских песен. Это были счастливые времена, ярко освещенные дневным светом, проникавшим сквозь стеклянные двери, ведущие в сад. Иногда я просыпалась среди ночи и слышала звуки чего-то другого: грустные ноты ноктюрна или навязчивую мелодию сонаты в миноре, которую она играла в темноте, чтобы скоротать время и пережить еще одну одинокую ночь.

Когда я вспоминаю о доме, в котором мы с ней жили, в моем сознании незримо всплывают мерцающие синие огни, и я ощущаю удерживающие меня руки, когда пытаюсь вбежать в слегка приоткрытую дверь. По-моему, я захлопнула ее, не желая возвращаться туда снова. Я слишком напугана. Еще не готова. Мне нужно отвлечься, чтобы сначала узнать историю Клэр, прежде чем я смогу вернуться к недавнему прошлому...

До сих пор история моей семьи была загадкой, которая больше походила на оборванный клубок старых нитей. Моя мама всегда избегала разговоров на эту тему. Может быть, она не могла пересилить некое чувство стыда?

Внезапно я осознаю важность всего этого. То, как Симона пересказывает воспоминания своей бабушки, помогает мне постепенно складывать воедино разрозненные фрагменты моей собственной истории. Но в последнее время у меня создалось впечатление, что свои рассказы она продолжает с неохотой, либо слишком занята, либо проводит время с кем-

то еще. Может быть, я просто предвзято отношусь к ней, но мне кажется, что с тех посиделок в баре с Тьерри, отношения между нами стали прохладнее. Я стараюсь отогнать подобные мысли, в конце концов, она представила его мне своим другом, не упомянув о какой-либо близости. Убеждаю себя, что она не горит желанием постоянно приглашать меня с собой гулять. Да и в офисе на нас оказывают давление, что тут говорить. И это не дает мне покоя: мы отдаляемся, и даже находясь в одной квартире, чувствуем себя слегка неловко.

Но я хочу услышать больше – как о своем, так и об ее прошлом. Я чувствую необходимость узнать больше о том, кем на самом деле были мои мама и бабушка. Что за историю они должны были передать мне? И, конечно, мне нужно понять, кто же я такая на самом деле.

Среди каналов на нашем телевизоре, нет того, что смотрела моя мачеха. На нём рассказывали о людях, которые внезапно узнают о своих предках. Я смутно припоминаю, что они просматривали переписи, записи в книгах регистрации браков и свидетельства о смерти в Интернете, чтобы проследить фамильные следы на протяжении веков.

Вернувшись в квартиру, я немного сомневаюсь, а после открываю ноутбук и начинаю собственные поиски...

И процесс оказывается неожиданно простым. Мне нужно зарегистрироваться на веб-сайте центрального архива Великобритании, ввести данные о человеке, которого я ищу, и они отправят мне все обнаруженные документы через па-

ру недель. Я немного колеблюсь, пытаюсь вспомнить девичью фамилию моей матери, а затем набираю «Клэр Редман» в форме поиска и «Мейнардье» в поле с пометкой «Предыдущее имя». Затем проверяю вкладки «Свидетельство о браке» и «Свидетельство о смерти», прежде чем нажать «Отправить запрос».

1940

– Хорошо выглядишь. – Из двери своей спальни Мирей наблюдала, как Клэр приглаживает волосы в коридоре, глядя в зеркало, а затем натягивает пальто на темно-синее платье. – Планируется что-то особенное?

Настал канун Нового года. И несмотря на войну, Париж охватило праздничное настроение. Клэр пожала плечами и потянулась к своему ключу от квартиры.

– Подожди! – Мирей положила руку на рукав пальто Клэр, на то место, где шерстяная саржа износилась и слегка протерлась на манжете. – Прости меня. Я ничего не подарила тебе на Рождество. У меня столько мыслей в голове в последнее время. Зато прямо сейчас у меня есть кое-что для тебя. Вот, возьми. – Она сунула маленький пакетик в руку Клэр. – Это будет хорошо смотреться на твоём платье.

– Все в порядке, Мирей, тебе не нужно ничего мне дарить, – ответила Клэр.

Ее подруга улыбнулась ей.

– Я знаю, что мне ничего не нужно дарить тебе, Клэр, но я все равно тебе это подарю. Мне так понравилось то ожерелье, которое ты для меня сделала, видишь, я надела его сегодня вечером. – Мирей погладила узкую бархатную ленту, облекавшую ее шею, по которой были разбросаны прозрачные бусины, пришитые почти невидимыми стежками, и

скрепленную спереди серебряной филигранной пуговицей.

Клэр развернула бумагу, в которую был упакован подарок от Мирей, и недоверчиво уставилась на серебряный медальон, лежавший у нее в руке.

– Тебе не нравится? – спросила Мирей.

– Да что ты. – Клэр покачала головой. – Но я не могу принять его. Только не твой медальон, Мирей. Это же просто сокровище.

Она попыталась вернуть его, но Мирей обхватила ее пальцы своей ладонью.

– Он твой. Подарок для хорошей подруги. Я хочу, чтобы ты им владела. И мне жаль, что я была тебе не лучшей компанией в последнее время. Дай-ка я надену его на тебя.

С неохотой Клэр подняла волосы, чтобы Мирей смогла поместить медальон на нужное место и застегнуть защелку. Затем, смягчившись, она обняла Мирей и сказала:

– Что ж, спасибо тебе. Это самый красивый подарок, который мне когда-либо дарили. И давай договоримся, что будем им делиться. В знак нашей дружбы. Он ведь может принадлежать нам обеим.

– Договорились, но только если ты будешь носить его как минимум половину времени. – Мирей широко улыбнулась и на мгновение стала похожей на ту оживленную девушку, какой была раньше.

Импульсивно Клэр схватила ее за руку.

– Пошли со мной! Давай пойдем потанцуем вместе. Я

знаю одно местечко с приличной музыкой и хорошей компанией. Ходят даже слухи, что сегодня вечером будет шампанское, ведь канун Нового года. Надень свое красное платье и приходи. Будет так весело!

Мирей убрала руку и покачала головой.

– Прости, Клэр, я не могу. Мне кое с кем нужно встретиться.

– Ладно, поступай, как знаешь, – она пожала плечами. – Хотя я уверена, что люди, к которым я иду, намного лучше, чем те, с кем приходится общаться тебе. Спасибо за медальон. Увидимся завтра.

Мирей с грустью наблюдала, как ее подруга вышла из квартиры и спустилась по лестнице. Затем, через несколько минут, она надела собственное пальто и выскользнула молча, как тень, чтобы слиться с толпой на оживленных улицах.

У входа в ночной клуб Клэр оставила свое пальто у шляпной стойки, хотя это означало, что ей придется положить несколько су в тарелку на стойку перед женщиной с кислым лицом, которая с презрением встряхнула ее изношенную одежду, прежде чем повесить ее на перила.

«Может, мое пальто и потрепанное, мадемуазель, – подумала Клэр, поворачиваясь к туалетной комнате, – но, по крайней мере, я не торчу за стойкой в канун Нового года с такой хмурой рожей». Она достала дешевую позолоченную пудреницу из своей вечерней сумочки и наклонилась к зеркалу, удаляя потный блеск с носа и щек. Женщины рядом с

ней с завистью поглядывали на драпировку ее платья полуночного синего цвета, которое Клэр кропотливо сшила из кусочков *crêpe de Chine*, оставшихся от одной из разработок меся Делавина. Ей понадобилось много времени, чтобы подобрать отрезки, и потратить немало вечеров, чтобы заставить швы лежать абсолютно ровно, так, чтобы посаженные рядом кусочки выглядели единым целым. Вдоль декольте она нашла россыпь серебряных бусин, чтобы не привлекать лишнего внимания к тому, что платье на самом деле сшито из кусочков, а снизу накинула отдельное полотнище так, чтобы оно подчеркивало ее стройные бедра. Ее вечерняя сумка была сделана из подкладки старой юбки, а пару туфель она одолжила на вечер у одной из своих соседок по комнате.

Глядясь в зеркало, она поправила медальон на его тонкой серебряной цепочке так, чтобы он лежал ровно на вырезе из бисера чуть ниже тонких крыльев ее ключицы.

Она на мгновение положила руку на живот, пытаясь успокоить внутри трепещущих от волнения бабочек. Будет ли он здесь? Вспомнил ли он обещание, которое они дали друг другу в канун Рождества – снова встретиться на этом месте 31 декабря? Имел ли он именно это в виду?

В тот вечер в баре на улице Риволи он решил угостить их напитками. Официант поставил ей и её подругам бокалы, а затем указал на блондинистого немецкого офицера в баре, который их заказал. Ее подружки хихикнули и кивнули, так что мужчина воспринял это как приглашение, при-

чем ему это показалось настолько ясным, что он решительно отодвинул стул и стал продирааться сквозь толпу гуляк в канун Рождества. Он представил двух своих коллег, а затем повернулся, дабы обратить свое драгоценное внимание на Клэр, устремив свои синие, как лёд, глаза, чтобы похвалить ее платье. Он свободно говорил по-французски. И время от времени, отворачиваясь в сторону, шутил со своими друзьями на немецком, которого она не понимала. Он был старшим офицером в группе и явно пользовался популярностью, а в тот вечер весело проводил время, заказывая за свой счёт всем всё больше напитков. В конце вечера, помогая ей надеть пальто, он предложил встретиться здесь сегодня вечером, чтобы отпраздновать конец старого года.

– Вы когда-нибудь пробовали шампанское? – спросил он. – Ах, нет? Такая искушенная француженка? Я удивлен. Что ж, давайте посмотрим, сможем ли мы это исправить.

Она была польщена тем, что из трех швей он выделил именно ее, так что другие девушки дразнили ее по этому поводу, когда они спешили назад в квартиру, чтобы успеть до наступления комендантского часа. Перед тем, как заснуть в канун Рождества, она прошептала его прощальные слова: искушенная француженка. Он был красив и богат, но самым соблазнительным из всего было то, какой он видел ее, как отражал в себе этот образ, словно создавая кого-то нового, взрослого и опытного человека, женщину, которой ей хотелось быть.

Нервно передвигая медальон у себя на шее, она снова поправила платье на бедрах. Затем она стала протискиваться сквозь толпу гуляк, собравшихся наверху лестницы, смеющихся и восклицающих, как рады они встрече со старыми друзьями, и начала спускаться в бальный зал. Она взглядела в толпу, и ее лицо озарилось застенчивой улыбкой, когда она увидела его, машущего ей из-за стойки. Она продолжила спускаться по лестнице, держа край юбки в руке, не обращая внимания на восхищенные взгляды, которые некоторые мужчины устремляли ей прямо в глаза.

– Вы пришли! – воскликнул он, привлекая ее к себе. – У меня просто слов нет, до чего я рад, что сегодняшний вечер я проведу в компании с самой красивой девушкой во всем ресторане!

– Спасибо, Эрнст. – Клэр покраснела, она не привыкла получать комплименты. – Вы тоже прекрасно выглядите. Мне даже потребовалось время, чтобы узнать вас без формы. – Она провела кончиками пальцев по рукаву его пиджака.

Он наклонился, чтобы насмешливо поцеловать ее руку, его голубые глаза блестели от удовольствия.

– Да, редкая ночь, когда не приходится дежурить. И до чего же приятно надеть на себя обычную одежду.

Он повернулся к бармену, одновременно подмигнув и кивнув, и тот подозвал шедшего мимо официанта, сказав:

– Позаботься об этом господине. Подай шампанского. И посади за столик возле ансамбля.

– *Oui*¹⁵, мсье. Пожалуйста, следуйте за мной.

Эрнст и Клэр пробирались между переполненными столиками, которые окружали танцпол, и официант наконец из-за одного такого столика, расположенного в огороженной красной веревкой секции, пододвинул к ним стулья. Они сели, и через несколько мгновений официант вернулся; разгладив льняную скатерть, он поставил на стол ведро со льдом и стаканы. Взмахнув белой дамаской салфеткой, он открыл бутылку *Champagne Krug*¹⁶ и налил, выдержав умелую паузу, чтобы дать пене осесть, прежде чем она доберется до краев бокалов, а затем уложил бутылку в серебряное ведро и обмотал дамаску салфетку вокруг ее горлышка.

Клэр светилась в тот вечер, словно золотящиеся в бокале пузырьки. Её подхватила волна эйфории. Наконец-то! Это была жизнь, о которой она всегда мечтала. На несколько часов она могла забыть о промозглом ателье, головных болях и постоянном голоде, танцуя под позолоченным потолком в объятиях красивого молодого человека, дыша воздухом, опьяняющим запахом духов и сигаретного дыма. Они снова пили шампанское и заказывали устриц, Эрнст разговаривал и шутил с другими немцами, которые присоединились к ним за соседними столиками внутри сектора, очерченного красной бархатной веревкой, а она сидела, улыбалась и смотрела, как другие женщины с завистью наблюдали за ней.

---

¹⁵ Да (*фр.*).

¹⁶ *Champagne Krug* – марка высокосортного шампанского.

– Пойдемте, – наконец сказал Эрнст, посмотрев на часы. – Один последний танец, а потом я должен проводить вас, пока не наступил комендантский час.

На выходе он забрал ее пальто у женщины перед шляпной стойкой и небрежно бросил пару франков в тарелку, вызвав у нее улыбку и даже пожелание им обоим счастливого Нового года.

Они пошли назад через реку, и ей казалось, что ее ноги во взятых напрокат туфлях едва касаются земли; они слились с потоком празднующих, которые тоже спешили по домам, хотя новогодняя ночь оставляла еще несколько часов для отдыха. Он держал ее за руку, когда они проходили под воздушными контрфорсами Нотр-Дама, а затем потянул в сторону, вниз по ступенькам к набережной реки прямо перед тем, как пересечь мост Двойного Деня на *rive gauche*¹⁷. Там, где темные воды реки стекали по камням у их ног, он заключил ее в объятия и поцеловал.

Ее глаза светились, когда она улыбнулась ему, словно отражая свет звезд над ними, и он откинул назад ее светлые волосы, спрятав прядь за ее ухо и снова поцеловал ее.

В этот момент темной ночью рядом с Сеной она представила, каково это – влюбиться в него. И вдруг она поняла, что все, о чем она думала, чего ей хотелось прежде – красивой одежды, шампанского, чужой зависти – в конце концов не имело никакого значения. Все, что имело значение – быть

---

¹⁷ Левый берег (*фр.*).

любимой и иметь возможность ответить любовью на любовь. Это и было тем, чего она желала больше всего на свете.

На Рю Кардинале он покинул ее, еще раз поцеловав и прошептал:

– С Новым годом, Клэр. Думаю, он будет удачным для нас обоих, как считаешь?

Накрепко запомнив это предсказание счастливого будущего с участием «их обоих», она побежала вверх по лестнице в квартиру.

Чуть слышно напевая в ритм своему дыханию, она вытаскивала свой ключ из вечерней сумочки и отперла дверь. Тихо закрыв ее за спиной, она выскользнула из туфель, только сейчас почувствовав мозоли, натертые на пятках, и на цыпочках пошла в свою комнату, не желая развеять чувство радости, если вдруг придется делиться подробностями своего вечера с кем-нибудь из соседок.

В тот вечер, когда она лежала в своей узкой кровати под карнизом, Клэр приснилось, что она танцует, взявшись за руки с Эрнстом, под позолоченным потолком, подхваченная волной желаний – чувство, которое до сей поры было ей совершенно неизвестным – и тут парижские часы пробили двенадцать, и старый год навсегда покинул их.

Гарриет

Я поднимаю глаза от информационного бюллетеня, который перевожу, когда Симона возвращается за ресепшен, доставив кофе в один из конференц-залов офиса.

– У тебя звонил телефон, – говорю я, кивая на место, где он лежит, на самый край стола.

Она поднимает его и прослушивает сообщение. Выражение ее лица непроницаемо.

– Это был Тьерри, – резко произносит она. – Он хочет знать, могу ли я дать ему твой номер. Говорит, что он работает на концерте вечером в следующую субботу и думает, что тебе там понравится.

Я пожимаю плечами и киваю.

– Здорово. Звучит неплохо.

Когда она в ответ на звонок набирает на телефоне текстовое сообщение, то говорит, не поднимая глаз:

– Ты ему нравишься.

– Он мне тоже понравился, – говорю я, листая большой словарь Ларусса, которым пользуюсь, когда нужно подыскать подходящее слово. – Похоже, он хороший парень.

– Да, он клевый, – соглашается она.

– Симона, – начинаю я. И вдруг останавливаюсь, теряясь, как же мне спросить ее о том, о чем я собиралась.

Она хмуро взирает на меня.

– Слушай, – говорю я. – Не знаю, есть ли что-то между тобой и Тьерри. Но если да, то мне бы не хотелось сделать что-то, что может помешать вам.

Она пожимает плечами.

– Нет. Ничего такого. Он просто мой друг.

Она поворачивается к экрану своего компьютера, видимо, проверяя электронную почту, но эти недомолвки между нами явно чреватые чем-то серьезным. Я просто сижу, давая ей время на раздумья.

С неохотой она поднимает глаза, чтобы наконец встретиться с моими.

– Я знаю его много лет, – говорит она. – Может быть, даже слишком много. Мы подружились, когда я приехала в Париж. Хотя кое в чем ты права. Мне хотелось, чтобы мы стали больше, чем просто друзьями. Но он всегда говорит, что я ему как сестра. Так что ничего *такого* просто не может произойти. Видя его с тобой – как он загорелся во время разговора! – я заставила саму себя признать это.

– Прости, – говорю я.

Она пожимает плечами.

– А за что тебе извиняться? Ты же не виновата, что понравилась ему.

Затем она улыбается, немного оттаивая.

– И, кстати, ты ему действительно нравишься. Я не могла не заметить этого тем вечером. Между вами определенно есть связь.

Я трясу головой от смеха, принимая эту подачу и стараясь сделать ответную не слишком жесткой. Нельзя сказать, что я спец по отношениям. В университете романтика казалась мне немного неуместной, поэтому я пришла к выводу, что мне проще оставаться одной. Я всегда боялась, что могу потерять слишком многое, если позволю себе влюбиться.

Разговор с Тьерри в тот вечер мне действительно понравился. Я ощутила свободу, поняла, что могу быть самой собой. А концерт был хорошим способом провести вечер, тем более когда он принимал участие в его подготовке. Так что ничего такого. В общем, когда минуту спустя начинает звонить мой собственный телефон, воодушевленная улыбкой Симоны и ее одобрительным кивком, я отвечаю «*oui, avec plaisir*»¹⁸ на его предложение, в следующую субботу он организует мне входной билет, а потом мы сможем пойти куда-нибудь поесть. Затем я твердо откладываю телефон и снова приступаю к работе.

Одна из моих обязанностей стажера заключается в сортировке почты, когда она по утрам поступает в агентство. Сегодня я запнулась, увидев конверт, адресованный мне, с почтовым индексом Великобритании. Обычно я лично никогда не получаю писем, поэтому думаю, что это сертификаты, запрошенные в архиве, которые должны рассказать мне больше о жизни Клэр. И о ее смерти. Я отложила запечатанный конверт под свой телефон, чтобы сосредоточиться на работе.

---

¹⁸ Да, с удовольствием (*фр.*).

Открою его сегодня вечером, когда смогу спокойно и в одиночестве рассмотреть его содержимое в своей комнате наверху.

Я быстро сортирую остальную почту, а затем отношу ее в офис, чтобы раздать получателям. Одна из менеджеров по работе с клиентами сидит вместе с Флоренс, когда я стучу в ее дверь. Та приглашающе машет мне, обе мне улыбаются.

– Хорошие новости, Гарриет, – говорит Флоренс. – Помните пресс-релиз, который вы разослали? Мы получили ответ из Лондона. Покупатель из универмага Harvey Nichols заинтересован в увеличении ассортимента. Это настоящий переворот.

Менеджер по работе с клиентами просит меня помочь написать ответ, так что я занята до конца дня переводом технических деталей дизайна обуви и особенностей ее моделирования с французского на английский.

Наконец офис закрывается, и я бегу к себе вверх по лестнице, сжимая в руках белый конверт. Дедушка и бабушка по линии мамы умерли еще до моего рождения. Мои руки слегка дрожат. Потому что, кроме фотографии Клэр в обществе Мирей и Вивьен, это первая осязаемая ниточка, которая связывает меня с этим поколением моей семьи.

Я не уверена, что мне понравится содержимое конверта, так как пришла к выводу, что отношения между Клэр и Эрнстом были как минимум постыдными. Так может ли быть хоть какой-то шанс, что я нацистского происхождения? Яв-

ляется ли это постыдное, исполненное вины наследие частью моей генетики? Мои руки дрожат от нетерпения – и просто от беспокойства – когда я разрываю конверт.

Первое свидетельство, которое я прочитала, было датировано 1 сентября 1946 года и написано твердой рукой каллиграфическим почерком; говорит оно о браке Клэр Мейнардье, родившейся в Порт-Мейлоне, Бретань, 18 мая 1920 года, с Лоуренсом Эрнестом Редманом, родившимся в Хартфордшире, Англия, 24 июня 1916 года. Имя Эрнест на мгновение останавливает меня. Может ли оно означать «Эрнст»? Они что, переехали в Англию, чтобы начать новую жизнь, едва закончилась война? Но тот факт, что он родился в одном из английских графств, делает это предположение крайне маловероятным. Так что, наверное, я могу предположить, что не произошла от нацистского солдата. Эта мысль позволяет мне расправить плечи, сбросить бремя, которое мне приходилось нести по жизни.

Я откладываю одну бумагу и читаю следующую, свидетельство о смерти Клэр Редман. Оно датировано 6 ноября 1989 года, причиной смерти указана сердечная недостаточность. Итак, Клэр было шестьдесят девять лет, когда она умерла, оставив свою дочь Фелисити одинокой в целом свете, когда той исполнилось двадцать девять лет. Как бы мне хотелось, чтобы она прожила дольше. Она могла бы изменить судьбу моей матери. Возможно, не такой уж она была загадкой. И если бы она все еще была рядом, она могла бы

помочь мне, хотя бы рассказав, кто же я на самом деле.

Как же мне хотелось быть по-настоящему знакомой со своей бабушкой Клэр.

Март 1941

– Мирей, тебя зовут в салон. – Губы мадемуазель Ваннье были сжаты настолько неодобрительно, что вокруг них появились складки, такие же жесткие, как и на самих губах от курения. Да ведь это почти неслыханно – чтобы обычную швею вызывали вниз, где царили *vendeuses* и их клиенты.

Мирей ощущала на себе взгляды других девушек, сидящих за столом, которые отвлеклись от своей работы и молча смотрели, как она аккуратно сунула иглу за подкладку, которую подшивала, чтобы отметить нужное место, затем встала и отодвинула свой стул.

Страх сгущался внизу живота, пока она спускалась по лестнице. У нее что, проблемы из-за какого-то промаха в шитье? В эти дни она часто отвлекалась, думая о своем следующем задании от членов организации, и изнемогала от того, что не может скрыть своих теперешних занятий от глаз коллег по цеху. Может быть, ее просто зовут, чтобы отругать?

Она пыталась отогнать мысли о еще худшем варианте: возможно, она уже осуждена, а в салоне полно нацистов, пришедших, чтобы забрать ее на настоящий допрос.

Она заколебалась у входа в салон, затем расправила белый халат и, держа голову высоко поднятой, постучалась и вошла.

На ее удивление, к ней, широко улыбаясь, подошла продавщица, которая была известна тем, что имела дело с самыми богатыми клиентами месье Делавина. Позади нее помощница застыла с портновским метром в руках, рядом же стояла манекенщица, облаченная в пальто, которое было хорошо знакомо Мирей. Она закончила подшивать к нему подкладку буквально на днях.

– Вот она, наша звездная швея, – соловьем заливалась *vendeuse*. – Этот джентльмен хотел встретиться с вами, Мирей, чтобы лично поблагодарить вас за работу, которую вы проделали по его указаниям.

К счастью, остальные в комнате были слишком увлечены своими клиентами, вокруг которых они увивались, словно мотыльки вокруг пламени, чтобы заметить испуганный взгляд, искаживший черты лица Мирей, прежде чем она оказалась в состоянии подавить его. Потому что рядом с огнем, ярко горевшим в камине, чтобы отогнать влажный мартовский холод, на одном из позолоченных стульев, предназначенных для посетителей салона, восседал месье Леру собственной персоной, скрестив ноги и упрятав руки в карманы: вся его поза говорила об уверенности в себе, которая свойственна лишь очень богатым людям.

Она быстро взяла себя в руки, не спуская глаз с узора на ковре обюссон, устилающего пол салона, чтобы ни единый признак не показал, что она уже знакома с этим человеком. Ей, разумеется, не хотелось обнаруживать и тот факт, что в

нынешний же вечер она будет выполнять поручение для подпольной организации, которую он контролирует. Свои последние инструкции она получила от красильщика только вчера.

– Мадемуазель, – сказал он. – Я прошу прощения за то, что прервал вашу работу. Но мне хотелось поблагодарить вас за внимание к деталям, которое вы уделили при пошиве заказанной мной одежды. Иногда важно передать это лично, *n'est-ce pas*¹⁹?

Ей только показалось или он действительно слегка акцентировал слово «важно»?

Он улыбнулся собравшимся, каждый из которых одарил его улыбкой в ответ, предчувствуя проявление грядущих щедрот.

Он подозвал ее ближе и сунул сложенную пятифранковую банкноту в карман ее белого халата.

– Всего лишь маленький знак моей благодарности, мадемуазель. И еще раз спасибо вам всем.

– Спасибо, месье. Вы очень добры, – ответила Мирей, и ее глаза на короткий миг встретились с его взглядом, так, чтобы он осознал: ей все понятно.

Тогда он встал, и один из помощников поспешил подать ему пальто. Повернувшись к *vendeuse*, он сказал:

– Итак, у вас есть все необходимые замеры для пошива этого костюма? – Он указал на одну из новых моделей сезо-

---

¹⁹ Не так ли? (*фр.*).

на, которые демонстрировали манекены у ближайшей стены.

– *Oui*, месье. Все будет так, как вам угодно. Это отличный выбор, я знаю, что именно он – один из любимейших стилей месье Делавина.

– *Merci*²⁰. И отправьте пальто на мой обычный адрес. – Он кивнул в сторону манекенщицы. – А сейчас я могу разобратсья со счетом?

– Конечно, месье.

Продавщица махнула рукой Мирей, показывая, что та свободна и может вернуться в *atelier*, в то время как один из помощников поспешил достать бухгалтерскую книгу, в которую заносились подробности заказов клиентов.

Прежде чем отправиться назад в пошивочную, Мирей проскользнула в уборную на первом этаже. Она достала банкноту в пять франков из своего кармана и развернула. Как она и догадалась, внутри денег был спрятан листок бумаги. И на нем было написано только одно слово, причем подчеркнутое: «ОТМЕНЯЕТСЯ».

Она поняла, что, должно быть, у месье Леру произошло нечто ужасное – раз он рискнул явиться сюда лично, чтобы предупредить ее об этом. Ее пальцы дрожали, когда она разрывала записку на мелкие кусочки, а затем смела их прочь, убедившись, что они исчезли без остатка, прежде чем вымыть руки. Но они продолжали трястись, пока она вытирала их о полотенце, которое висело на задней части двери, пред-

---

²⁰ Благодарю (*фр.*).

ставляя, что – или кто – могло ожидать ее, если она пришла бы на место встречи в этот вечер. Немцы пытались затянуть сеть вокруг всей деятельности Сопротивления, и на улицах Парижа было хорошо известно, что те, кого доставляли в штаб-квартиру СС на авеню Фош для допроса, обычно не возвращались никогда. Она своими глазами видела, как колонны людей под вооруженной охраной маршируют к станциям города и садятся в поезда, идущие на восток. И, как ей показалось, их было намного больше, чем тех, кто возвращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.